

127

СТРАННИКЪ.

ДУХОВНЫЙ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОТОИЕРЕЙМЪ ВАСИЛИЕМЪ ГРЕЧУДЕВИЧЕМЪ.

1870.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

ИЗЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Расколь въ С. ПетербургѢ не былъ туземнымъ произведеніемъ, но заносился въ этотъ городъ, какъ повѣтріе, изъ другихъ раскольническихъ мѣстностей и центровъ, ими жилъ постоянно и поддерживался. Притомъ, послѣ основанія С. Петербурга въ 1703 году, и по образованіи изъ новозавоеванныхъ городовъ, въ 1710 году, новой петербургской губерніи, съ Меншиковымъ—во главѣ, расколь распространялся въ ней не отъ центра къ окружности, а наоборотъ: изъ мѣстъ петербургской губерніи и прилегающихъ къ ней, ближайшихъ и отдаленныхъ, онъ постепенно вносился въ Петербургъ, и тутъ развивался втайнѣ въ разныхъ своихъ формахъ.

По достовѣрнымъ источникамъ, расколь въ с. петербургской губерніи, прежде другихъ мѣстъ, показался въ уѣздахъ: лугскомъ, нарвскомъ, ябургскомъ и вопорскомъ. Въ уѣзды ябургскій и вопорскій его принесли переселенцы изъ новгородской губерніи, а въ лугскій уѣздъ — изъ-за польскаго рубежа.

Въ лугскомъ уѣздѣ раскольники жили въ Вязолской волости, вотчины князя Меншикова. Они пришли изъ-за польскаго рубежа и поселились здѣсь; жили скитниками и принадлежали къ безпоповщинской едосоѣвщинѣ. Вожакою и большакомъ у нихъ былъ переkreщиванецъ Иванъ Пареевъ, который, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и распространялъ свои вѣрованія. Скитники исправно платили дань Меншикову, и свѣтлѣйшій князь оставлялъ ихъ въ покоѣ по всѣмъ своимъ вотчинамъ. Князь

вообще былъ большой милостивецъ въ раскольникамъ. 12 мая 1711 года, онъ, по ходатайству Андрея Денисова съ товарищами, объявилъ въ своей с. петербургской губерніи *всѣмъ обще какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чину людямъ, и кому указъ великаго государя надлежитъ вѣдать*, дабы впредь никто общежителемъ Андрею Денисову съ товарищи, и посланнымъ отъ нихъ, обидъ и утѣсненія, и *въ вѣрѣ по старопечатнымъ книгамъ помѣшательства*, отнюдь не чинили, подъ опасеніемъ жестокаго истязанія.

Неизвѣстно, какимъ путемъ дошли до правительства свѣдѣнія о существованіи раскольниковъ въ Нарвѣ. Только въ 1718 году *отъ гвардіи* поручикъ Зиновьевъ приставленъ былъ къ раскольническимъ дѣламъ по с. петербургской губерніи, по именному царскаго пресвѣтлаго величества указу. Ему даны были, въ приложеніи къ указу, особые пункты насчетъ сыску раскольниковъ. Отправившись въ Нарву, Зиновьевъ нашелъ тамъ раскольниковъ, переписалъ ихъ, собралъ штрафъ за потаенность и двойной окладъ. По 30 августа 1721 года со дня указа, имъ собрано въ Нарвѣ съ людей мужскаго и женскаго пола 60 руб. 5 алтынъ и 4 денги. Нѣкоторые же изъ сысканныхъ перешли къ православію. Какого толку держались нарвскіе раскольники—неизвѣстно. Зиновьевъ, сысывая ихъ, не входилъ въ тавія подробности, и за исключеніемъ отчетовъ денежныхъ, ничего другаго не сообщалъ.

Дѣло о раскольникахъ въ уѣздахъ ябургскомъ и копорскомъ возникло вслѣдствіе доносовъ. Въ Ябургѣ, при церкви архангела Михаила, служилъ священникомъ, еще ранѣе 1718 года, Константинъ Ѳедоровъ, который самъ держался прежде раскола, но потомъ принялъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, православіе. Неофиты въ то же время изъявили желаніе дѣйствовать увѣщаніями своими на другихъ, коснѣющихъ въ расколѣ, а о непокорныхъ доносить по начальству. 17 февраля 1718 года, имъ, за рукою самого царя Петра I-го, дана была грамота съ полномочіемъ: «въ копорскомъ и ябургскомъ уѣздахъ принимать, призывать и обращать свободно

всякаго, кто хотѣлъ бы повиниться гласу истины». Въ качествѣ закащика (благочиннаго) въ уѣздахъ ямбургскомъ и копорскомъ, Ѳеодоровъ послѣ сего донесъ Петру I-му (св. Синода тогда еще не было), что въ заказѣ его крестьяне деревень: Черной и Сосницъ держатся раскола. По предложенію царскаго кабинета-секретаря Маварова, указомъ сената отъ 18 октября 1720 года, поручено было тому же Зиновьеву провозвести розыскъ раскольниковъ не только въ названныхъ мѣстахъ, но и во всемъ ямбургскомъ и копорскомъ уѣздахъ. На этотъ счетъ ему дана была особая инструкція изъ сената, въ которой опредѣлялась общими чертами дѣятельность сыщика. Въ ней предписывалось, чтобы Зиновьевъ, прибывъ въ Ямбургъ, сыскалъ тамъ священника Константина Ѳеодорова и, пользуясь указаніями его и совѣтами, произвелъ перепись раскольниковъ, и собралъ съ нихъ въ казну штрафъ и двойной окладъ, согласно указамъ 1716 и 1718 годовъ. Инструкція уполномочивала Зиновьева брать по три обывательскихъ подводъ отъ мызы до мызы, отъ деревни до деревни, а подъячаго для письменныхъ дѣлъ, бумагу и чернила, также двухъ солдатъ для необходимыхъ услугъ—требовалъ бы изъ канцеляріи надъ Ингерманландією.

На пути своихъ розысковъ, Зиновьевъ встрѣчалъ постоянныя затрудненія со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей. Несмотря на сенатскую инструкцію, ему не давали ни подъячаго, ни солдатъ. Однакоже, отъ гвардіи поручикъ велъ свое дѣло быстро. По его сыску, наибольшее сосредоточеніе раскола оказалось въ копорскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ: Зарѣчье, вотчины князя Меншикова, Грязная, вотчины царицы Параскевы Ѳеодоровны, и Фалилѣво, вотчины также Меншикова. Грязновскіе раскольники всѣ были изъ новгородскаго уѣзда. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ, Зиновьевъ собралъ тутъ съ раскольниковъ денегъ около 2.500 р. и привелъ въ православію 428 человекъ.

Бывали примѣры, что раскольники и сами отъ себя, т. е. помимо сыску, возвращались въ Церковь. Въ февралѣ 1721 года,

упомянутый Иванъ Пареевъ добровольно явился въ Ямбургѣ къ священнику Константину Ѳеодорову, и въ бесѣдахъ съ нимъ познавъ, «что раскольническое ученіе прелестное и вѣра неистова и неправая», присоединенъ къ православію чрезъ присягу, исповѣдь и причащеніе св. таинъ.

Окружая такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ С. Петербургъ, раскольники появились и въ немъ довольно скоро послѣ его основанія. Нужда заставляла ихъ пріѣзжать въ отличный городъ по разнымъ дѣламъ, проживать здѣсь небольшое время и даже селиться на жительство. Закащикомъ и управителемъ духовныхъ дѣлъ по С. Петербургу и уѣздамъ его, въ то время до 1721 года, былъ архимандритъ Хутынскаго монастыря Ѳеодосій, присланный изъ Новгорода. Въ инструкціи, данной ему митрополитомъ Іовомъ, насчетъ раскольниковъ было сказано: «а церковныхъ противниковъ, гдѣ провѣдавъ, имать и отсылать за вѣрными карауломъ въ Великій Новгородъ, въ архіерейскій разрядъ». Дѣйствительно, на петербургскихъ заставахъ лавливали иногда раскольниковъ, и доставляли въ Невскую канцелярію къ Ѳеодосію для дальнѣйшей расправы. Но то были люди не здѣшняго жительства, проходящіе куда, либо просто странствующие. Изъ постоянныхъ же обитателей С. Петербурга, принадлежавшихъ къ расколу, до 1721 года извѣстны были два семейства купцовъ Мыльниковыхъ. Ихъ розыскивали по городу. Одна семья: Ѳеодоръ Мыльниковъ съ женою Анною, и братъ его Аѳанасій съ женою Ариною, не были сысканы. А Лука Мыльниковъ съ женою Ариною и племянникомъ Стефаномъ Ивановымъ, составлявшіе другую семью, бывъ сысканы, на увѣщаніяхъ показали себя «явными св. Церкви противниками, и по увазу 1718 года записались подъ двойной окладъ». Они были старообрядческой секты, принимали бѣглыхъ поповъ, которые справляли службу по старопечатнымъ книгамъ. Племянникъ Мыльникова Стефанъ Ивановъ больше другихъ отличился стойкостію въ дѣлѣ раскола. Бывъ приглашенъ въ Москвѣ въ приказъ церковныхъ дѣлъ для разговора о вѣрѣ, онъ, вмѣстѣ съ другими, рѣшительно

объявилъ, что «безъ именнаго царскаго указа разговоръ ни о чемъ имѣть не будетъ, что имъ въ раскольнической вѣрѣ уволилъ быть царское величество, о чемъ опубликовано было и указами по градскимъ вратамъ». Такимъ образомъ, изъ формъ раскола въ С. Петербургѣ первую встрѣчается *поповщинская*.

По учрежденіи тиунской конторы при св. Синодѣ въ 1721 году, тиуну, Колязинскаго монастыря архимандриту Трифилію, дана была подробная инструкція, въ которой было поставлено въ преимущественную обязанность конторѣ — отыскивать по петербургской губерніи въ новозавоеванныхъ городахъ раскольниковъ, облагать ихъ и собирать съ нихъ пошлину, а также наблюдать за священниками, чтобы не утаивали раскольниковъ (Опис. док. св. Синода т. 1, стр. 207). Мы пересмотрѣли всѣ уцѣлѣвшія до насъ дѣла бывшаго тиунскаго правленія, и между ними не нашлось ни одного — ни касательно державшихся раскола, — ни относительно утайки ихъ священниками.

Авторъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ (изд. 1863 г., книг. VIII, стр. 397, 405), а за нимъ вслѣдъ и составитель историческаго очерка единовѣрія (изд. 1867 г., стр. 101) говорятъ, будто бы, при Петрѣ I, слобода Охта и частію Рыбацкая населялись почти одними раскольниками. Свѣдѣнія эти не оправдываются архивомъ с. петербургской духовной консисторіи и, по меньшей мѣрѣ, весьма преувеличены. Изъ консисторскаго архива мы знаемъ, что охтенскіе плотники, занимаясь строеніемъ города, открыто поставили на Охтѣ, еще ранѣе 1707 года, свою часовню, украсивъ ее образами, и что эта часовня была православная. При ней рабочіе люди хоронили умершихъ. Въ слѣдствіе указа Петра I-го, въ 1707 году, о закрытіи всѣхъ часовень въ столицѣ, пришелъ на Охту петропавловскій священникъ, описалъ часовню, но о томъ, чтобы она имѣла что нибудь раскольническое — не было рѣчи, да и самая часовня осталась попрежнему незапертою. Документы консисторіи говорятъ совсѣмъ противное, именно: что на Охтѣ жилъ православный людъ при Петрѣ, и расколъ туда, равно какъ и въ другія части, проникалъ изъ другихъ губерній,

даже отдаленныхъ. Плотникъ охтинской слободы Пименъ Григорьевъ, живя при Петрѣ въ С. Петербургѣ, содержалъ православную вѣру. Но потомъ, странствуя по Россіи, онъ въ 1730 году былъ, напослѣдокъ, казанской губерніи, царевосарчейскаго уѣзда, въ селѣ Трисвятскомъ. Тутъ записной раскольникъ Андрей Григорьевъ Сотвинъ научилъ Пимена съ женою вѣрѣ по старопечатнымъ книгамъ, и Григорьевы, въ 1746 году, воротились на Охту въ плотничеству раскольниками. Дѣло о нихъ производилось въ с. петербургской духовной консисторіи, и Григорьевы опять перешли въ православіе. Фактъ этотъ показываетъ, что расколъ, дѣйствительно, мало по малу проникалъ на самую Охту. Ибо, кромѣ Григорьева, ни доносчики на него, ни семейство Григорьевыхъ не оговорили въ расколѣ ни одного человѣка изъ охтинскихъ плотниковъ. А надобно замѣтить, что на Григорьева сдѣлало доносъ, по собственному усердію, начальство такъ называемой партикулярной верфи, которое завѣдывало Охтой. Конечно, это начальство, быстро узнавшее раскольника въ новоприбывшемъ плотникѣ, не могло не знать, что у него почти вся слобода въ расколѣ, а съ другой стороны не могло, щадя всѣхъ охтинскихъ раскольниковъ, выдать одного Григорьева съ женою. Ясно, что фактъ, занесенный въ исторію министерства, сочиненъ, а не изъ дѣйствительности взятъ.

Когда С. Петербургъ, послѣ Петра I, достаточно обстроился, когда установилось въ немъ постоянное обывательство, когда завязались дѣятельныя и разнообразныя сношенія съ нимъ другихъ городовъ и мѣстъ; тогда начали сѣять въ немъ расколъ разные люди, въ особенности изъ торговаго сословія, пріѣзжавшіе по своимъ дѣламъ въ новую столицу. Главнымъ же центромъ, изъ котораго онъ распространялся здѣсь, были олонекіе свиты. По документамъ св. Синода и духовной консисторіи, свиты дѣлаются извѣстными Петербургу вскорѣ послѣ 1721 года. Дѣятельность ихъ впервые тѣмъ обнаруживается, что они принимаютъ къ себѣ и укрываютъ бѣглыхъ людей изъ Петербурга. Въ 1724 году Петръ I производилъ

ревизию. Извѣстно, какъ эта государственная мѣра была ненавистна народу. Между другими, въ даниловскіе свиты бѣжалъ отъ ревизіи жившій въ С. Петербургѣ, ростовскаго Богоявленскаго монастыря Спасской слободы, крестьянинъ Семень Алексѣевъ Копнинъ съ женою и двумя дѣтьми. Онъ не хотѣлъ объявить себя раскольниковомъ и платить двойной окладъ, а въ свитахъ можно было содержать старую вѣру «потаенно». Въ бытность же у даниловцевъ Осипа Самарина въ 1739 г. семейство Копнина, явившись въ его комиссію, записалось, уже въ качествѣ старожиловъ, въ расколъ, съ обязательствомъ платить двойной окладъ, а потомъ жило спокойно на Березовѣ (изъ арх. бывш. дух. правл. въ Спб.). Также и православныхъ изъ С. Петербурга, съ паспортами и бѣглыхъ, даниловцы охотно принимали, уговаривали въ свою вѣру, перекрещивали и скрывали у себя. Если же дѣлались обыски о такихъ людяхъ; то у нихъ всегда на языкѣ былъ таковой отвѣтъ: «или-де умеръ, или сошелъ невѣдомо куды».

Затѣмъ официальные документы, равно и свазанія раскольниковъ, даютъ намъ видѣть уже болѣе активное дѣйствіе скитовъ. Скитскіе отцы, начальники, старцы и ходатаи по дѣламъ начинаютъ сами посѣщать С. Петербургъ, дѣлать скорпізы правительству, заискивать милость и милостивцевъ, даже писать письма. По свазанію выговскаго историка Филиппова, уже при Петрѣ II извѣстный Сѣмеонъ Денисьевичъ, братъ Андрея Денисова, чтобы превлонить на милость его императорское величество и прочихъ высочихъ персонъ, «посылаше братію на море въ дальнія мѣста, и приказываше всякихъ живыхъ звѣрей ловити и къ дому привозити. Таковжде и оленей живыхъ приказываше съ Канина Носа къ дому (т. е. привозити), и посылаше въ Москву и въ С. Петербургъ, не точію къ его императорскому величеству Петру II, но и къ великимъ господскимъ лицамъ, и письма посылаше къ его императорскому величеству и къ господамъ» (истор. Выгов. пуст., Ив. Филиппова, изд. 1862 г., стр. 220). Анна Іоаннов-

на еще терпѣливѣе и милостивѣе относилась къ раскольникамъ Выговской пустыни. По сказанію того же историка, разъ она вышла гулять. Выговцы же, «пришедъ съ плачемъ и слезами, повлонишася ея императорскому величеству, и подаша свое доношеніе. Она же, государыня, веселымъ и радостнымъ окомъ возврѣ на нихъ, и глаголаше: *наши здѣ*, и принявъ доношеніе, и разсмотрѣвъ малое число, и распроси ихъ на словахъ милостиво, о чемъ бьютъ челомъ. Они же сказаша ея величеству все свое челобитье на словахъ смиреннымъ плачевнымъ гласомъ. Ея императорское величество милостиво челобитную приняла и отдала ее Ушакову, и заповѣда, что сдѣлайте сенатомъ, по ихъ прошенію, розыскомъ, и повелѣ оному, Ушакову, и въ Синодъ сходить, и синодскимъ правителемъ свазать ея императорскаго величества повелѣніе, чтобы напрасно на оныхъ не наступали, и подозрительнымъ доносителямъ не вѣрили бъ, и оной, Ушаковъ, взявъ доношеніе, скоро отнесе въ сенатъ, такожде съѣздилъ и въ Синодъ, и указъ ея величества словесный сказалъ (тамъ же, стр. 236 — 237). «Ея императорское величество», пишетъ Филипповъ въ той же книгѣ (стр. 384), «вѣры не отымаетъ, и всегда наши посланные къ ея императорскому величеству со звѣрми ходили многажды, всегда отъ нея милость получали, а истязанія о вѣрѣ отъ ея императорскаго величества, и при ней отъ иныхъ не бывало». Подъ сѣнію такой свободы, расколоучители выговскихъ скитовъ, особенно при императрицѣ Аннѣ, свободно приѣзжали въ новую столицу, и успѣшно вели всякія дѣла свои: ходатайство за выговцевъ, торговлю, сборъ денегъ на монастыри, распространеніе раскола, и т. п. Съ 1727 года, въ теченіе десяти лѣтъ, Петербургъ постоянно навѣщалъ Мануилъ Петровъ, келейникъ Денисова и ближайшій ученикъ его, — тотъ самый, который выходилъ на состязаніе съ іеромонахомъ Неофитомъ, и чрезъ котораго выговскіе законники, 1 іюля 1723 года, доставили іеромонаху Неофиту поморскіе отвѣты изъ ста шести пунктовъ (Опис. док. св. Синод., т. I, стр. 497).

Елисавета Петровна, издавшая указъ объ изгнаніи жи-
 довъ изъ Россіи, не позволившая построить въ С. Петер-
 бургѣ армянской церкви, къ раскольникамъ относилась ми-
 лостивѣе. Назначивъ въ 1745 году генеральную ревизію,
 она повелѣла: «содержащимъ расколъ только явиться у
 опредѣленныхъ въ ревизіи мужеска пола душъ, для поло-
 женія на прежнемъ, по силѣ указовъ, основаніи, въ овладѣ,
 а бывшія о нихъ комиссіи оставить (т. е. закрыть), въ
 томъ разсужденіи, что, бывъ довольны такою милостію, они
 не стануть совращать другихъ въ свое заблужденіе, — и дру-
 гихъ по бывшимъ комиссіямъ оказавшихся, дѣйствъ, Цер-
 кви святѣй вредныхъ, чинить престануть и спокойно оста-
 нутся» (изъ ук. св. Синод. отъ 13 мая 1745 г.) Посему,
 и въ царствованіе Елисаветы, выговскіе раскольники, по го-
 товымъ слѣдамъ, свободно продолжали сноситься съ Петер-
 бургомъ. Въ 1743 году, выгорѣцкій староста и учитель Ипать
 Ефремовъ пріѣзжалъ въ С. Петербургъ и Кронштадтъ за сбо-
 ромъ милостыни на скиты. У него было просительное пись-
 мо за руками скитскихъ старцевъ. Ефремовъ собралъ здѣсь
 600 р. денегъ. Много разъ, и между прочимъ въ 1745 г.,
 былъ лѣтнимъ временемъ въ столицѣ другой извѣстный ста-
 рець изъ Выгова, Стахій Осиповъ съ Авдѣемъ Толошани-
 нымъ и Петромъ, его сыномъ. Тутъ они занимались тор-
 говымъ дѣломъ, продавая у пеньковыхъ амбаровъ ленъ, на
 судахъ привезенный. Всѣ эти ходили по Петербургу, и дѣй-
 ствовали свободно, прописывали свои паспорта, являлись по
 начальству, даже — ко двору царскаго величества, но увры-
 вались только отъ взоровъ духовенства. Впрочемъ, и духо-
 венство ничего не могло имъ сдѣлать. Таковой именно случай
 былъ съ Мануиломъ Петровымъ, однимъ изъ главныхъ дѣя-
 телей выговскаго раскола. Дѣло его, раскрытое нами въ
 прежнихъ статьяхъ «Странника» касательно с. петербургской
 епархіи, кончилось въ св. Синодѣ — тѣмъ, что съ него взяли
 росписку не распространять раскола ни въ столицѣ, ни въ
 другихъ мѣстахъ.

Но раскольники только завѣряли правительство, что не совращаютъ православныхъ, давая подписки и впредь того не дѣлать. На самомъ же дѣлѣ, пріѣзжая въ Петербургъ, скитскіе расколуучители вели здѣсь пропаганду, дѣйствуя тайно и явно, съ искусствомъ истыхъ миссіонеровъ. Кромѣ пріѣзжавшихъ временно, главныхъ руководителей дѣла, которые оставались въ столицѣ подолгу, бывали въ ней и нарочные миссіонеры, какъ, на примѣръ, Бугаевъ, о которомъ скажемъ подробно.

Св. Синодъ, въ указѣ 13 мая 1745 года, писалъ на основаніи доставленныхъ ему свѣдѣній, что раскольниковъ изъ выгорѣцкаго, называемаго ими данилова, и изъ другихъ скитовъ немало распущено съ данными отъ старостъ паспортами, «будто для промысловъ и прокормленія», въ разныя мѣста, а когда эти промышленники попадались въ руки правительства, въ лицѣ ихъ оазывались миссіонеры раскола съ книгами и тетрадями въ сумкахъ, даже съ раскольническимъ причастьемъ. Кромѣ Бугаева, который временами пропагандировалъ расколъ, пріѣзжая изъ даниловскихъ скитовъ, въ С. Петербургѣ миссію эту велъ постоянный житель столицы купецъ Игнатій Гуттуевъ, оставившій фамилію свою Гуттуевскому острову. Этому Гуттуева въ официальныхъ показаніяхъ величали обратившіеся изъ раскола не иначе, какъ прелестникомъ раскольниковъ въ С. Петербургѣ.

Для распространенія раскола они употребляли разныя мѣры: рассказывали о скитахъ, о порядкахъ, о жизни, о безопасности въ нихъ, продавали по рынкамъ свои иконы и старопечатныя книги, дарили своего произведенія кресты, сопровождая эти дѣйствія разными толкованіями. Познакомившись съ православными, они входили въ ихъ дома, бесѣдовали о старой вѣрѣ, читали съ толкованіемъ священныя книги, кормчюю, цвѣтниками, давали списывать какія-то свои тетрадки.

Въ С. Петербургѣ у нихъ до временъ Еватерины II не было еще своихъ молитвенныхъ зданій, даже потаенныхъ. Слѣдовательно, все ученіе ихъ имѣло отвлеченный характеръ,

и оттого не на всѣхъ достаточно вліяло въ ихъ пользу. Такихъ выговцы приглашали съ собою въ скиты. Тамъ уже надѣлѣ они знакомили ихъ съ своею вѣрою, допускали къ своимъ службамъ, раскрывали предъ ними весь свой бытъ религіозный и соціальный. Въ то же время опытнѣйшіе изъ расколоучителей приходили къ нимъ бесѣдовать «о старой вѣрѣ», вооруженные всѣми своими авторитетами и книгами. Если кто былъ корыстолюбивъ, то выговцы не скупились и на деньги, чтобы только привлечь изъ православія въ свою вѣру. Въ документахъ духовной консисторіи мы встрѣтили именно такой фактъ. С. петербургскій купецъ Димитрій Гавриловъ, изъ бѣдныхъ людей, по показанію сыщика Якова Сергѣева, который самъ дважды былъ въ расколѣ и хорошо зналъ его состояніе въ С. Петербургѣ, со многими деньгами сманенъ былъ изъ С. Петербурга въ даниловскіе скиты, былъ перекрещенъ даниловцами, и жилъ между ними четыре года. Выговскій казначей Ипать Ефремовъ, собирая на скиты деньги по С. Петербургу и его уѣздамъ, частью ихъ жертвовалъ для поддержанія немущихъ и бѣдныхъ даниловскаго согласія.

Большую силу придавало раскольникамъ въ борьбѣ съ православіемъ дѣйствованіе не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а цѣлымъ обществомъ. Всѣ члены раскола, гдѣ бы они ни были, въ выговскихъ ли скитахъ, или въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ ли, или въ Стародубскихъ лѣсахъ, при встрѣчѣ съ петербургскимъ жителемъ, склоннымъ къ ихъ вѣрѣ, принимали его, какъ своего брата, вводили въ свое общество, продолжали усердно вліять на него въ пользу своей вѣры, и склонять къ перекрещиванію. Кто не соглашался съ ними, того напрасно склонялъ какою нибудь Ипать Ефремовъ, кто относился къ нимъ непріязненно послѣ долгаго знакомства, къ тому всѣ становились во враждебныя отношенія. Если правительство забирало кого въ руки за расколъ, то онъ, обыкновенно, запирался въ расколѣ, буде зналъ, что подвергнется опасности, но уже другихъ своихъ единовѣрцевъ никогда не выдавалъ.

Въ самомъ С. Петербургѣ встрѣчаются въ сороковыхъ годахъ личности, покровительствующія расколу, — и личности довольно сильныя и вліятельныя. Изъ нихъ Иванъ Яковлевъ, самъ потаенный раскольникъ, давалъ у себя пріютъ даниловцамъ, и тщательно скрывалъ ихъ отъ сысковъ и отъ людей, которые могли бы сдѣлать доносъ на «пріѣзжихъ». А купецъ Аѳанасій Никитинъ Дороеевъ поддерживалъ пропаганду, угнеталъ сыщиковъ, дѣйствовавшихъ противъ раскола, подкупалъ въ свою пользу дѣятелей правительства, оберегалъ единовѣрцевъ и желающихъ пристать къ нимъ, сносился со «своими» въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ, не лѣнился хлопотать по начальству, и не затруднялся въ выборѣ средствъ. Кто хотѣлъ скрыться изъ Петербурга, для содержанія потаенно раскола, тому Аѳанасій Дороеевъ добывалъ паспорта изъ ратуши. При невозможности же достать такой видъ, онъ давалъ пропуска и отъ себя за свою руку, и господа, командующіе на заставахъ, «чинили такимъ лицамъ свободный пропускъ туда и обратно». Въ самыхъ паспортахъ отъ ратуши, въ которой состоялъ ратманомъ, Дороеевъ свободно проводилъ разныя фальши; пропускалъ фамиліи, купцовъ писалъ на свое имя работниками, потаеннымъ раскольникамъ, по согласію съ другими торговцами, давалъ виды торговать на чужое имя. С. петербургскій житель Яковъ Григорьевъ сынъ Сергѣевъ, торговавшій ластовыми судами, усмотря въ С. Петербургѣ опасность, что его могутъ взять подъ судъ за приверженность къ даниловскому расколу, просилъ и получилъ отъ Дороеева паспортъ, и подъ видомъ его работника отправился въ Москву, якобы для отправленія его купечества, и тамъ держалъ потаенно расколъ, проживая у брата Дороеева Ивана Никитина, записнаго раскольника.

Съ тѣхъ поръ, какъ выговцы стали развивать свою дѣятельность въ С. Петербургѣ, формою раскола въ немъ сдѣлалась безпоповщина. О старообрядцахъ прямо поповщинской секты въ документахъ нѣтъ и помину. Трудно, впрочемъ, связать, чтобъ безпоповщина въ то время была формою въ са-

мыхъ свитахъ *чистою*, и не допускала никакихъ поповскихъ «дѣйствъ». Св. Синодъ въ увазѣ 13 мая 1745 года писалъ: «одинъ (даниловецъ) недавно пойманъ, и при осмотрѣ явились у него въ сумкѣ книжицы, и тетрадки, и раскольническое причастіе, и ножницы со стриженными волосами, да въ домѣ крестьянскомъ сыскана панагія съ причастиемъ, и притомъ уставъ ихъ, какъ они по раскольнически причащаютъ, а по слѣдствію то причастіе получено изъ раскольническаго жилища извѣстнаго данилова свита» (дѣло с.п.б. консисторіи, 1740 г. № 3487). Изъ этого видно, что въ 1745 г. въ свитахъ существовали еще обряды и дѣйствія поповщины. Но собственно господствовали тамъ безпоповцы, не служившіе литургій, а только утрени, часы и молебны. Трудно, при чтеніи документовъ, узнавать характеръ секты и раскола: потому что никогда они не описывались въ подробностяхъ, и не обозначались нынѣшними терминами.

Мы не встрѣтили также никакихъ признаковъ тому, чтобы безпоповцы перекрещивали своихъ прозелитовъ въ С. Петербургѣ. Не знаемъ—чѣмъ объяснить этотъ фактъ; но онъ вѣренъ: ибо ни одинъ обличитель раскола не доказывалъ при слѣдствіяхъ, производившихся въ духовномъ вѣдомствѣ, чтобы кто нибудь перекрещивалъ или былъ перекрещенъ въ С. Петербургѣ. Обыкновенно, тѣхъ, кто соглашался перекреститься, увозили или въ даниловскіе свиты, или въ Москву, и уже тамъ совершали надъ ними обряды безпоповщинскаго толка. Такъ Симонъ, сынъ купца Ивана Яковлева, тайнаго петербурскаго раскольника, перекрещенъ былъ не въ С. Петербургѣ, а въ даниловскомъ свиту, куда отецъ самъ возилъ его для этого дѣла. Если перекрещенецъ былъ еще отрокъ, и не умѣлъ читать; выговцы, оставивъ его у себя, учили въ своей школѣ грамотѣ по старопечатнымъ книгамъ, и утверждали въ «древнемъ благочестіи». У с. петербургскаго купца Ивана Кузмина, торговавшаго на новомъ гостиномъ дворѣ ножами въ полулавкѣ, была мать Авдотья Федорова, благочестивая старуха, которая своею волею опредѣлилась-было въ Тихвин-

скій монастырь на спасеніе души. Кузминъ, сманивъ ее изъ монастыря къ себѣ, изъ С. Петербурга отправилъ въ Москву съ благонадежнымъ человѣкомъ Иваномъ Фоминымъ Дорошевымъ. Тамъ, неизвѣстно—который изъ двухъ выговскихъ расколочителей, или Мокѣй Гавриловъ или Михайло Кирилловъ, перекрестилъ ее по безпоповщинскому толку. Обрядъ совершенъ былъ въ Преображенской слободѣ, въ Хопиловской улицѣ, въ домѣ даниловскаго безпоповца Осипова. Перекрещенница, получивъ новое имя, увезена была выговцами въ Ивановскій дѣвичій монастырь, находившійся на Левсѣ, въ двадцативерстномъ разстояніи отъ даниловскаго мужскаго скита. С. петербургскій житель Дмитрій Константиновъ, торговавшій дровами и угольемъ, былъ склоненъ выговцами къ старой вѣрѣ въ С. Петербургѣ, но потомъ ѣздилъ въ Москву, и тамъ Мокѣй Гавриловъ перекрестилъ его со всѣмъ семействомъ, которое состояло изъ жены, тещи и сына Петра. Обрядъ совершался при воспріемникахъ, и перекрещеннымъ дали каждому новое имя. Такимъ образомъ пропаганда безпоповцевъ въ С. Петербургѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, была хорошо поставлена и вела дѣло свое съ успѣхомъ.

Но въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ безпоповщинскихъ общинахъ происходило необыкновенное броженіе и несогласіе. Еедосѣвцы отдѣлились отъ даниловцевъ. Лжеучители даниловскаго толка не почитали св. креста съ надписаніемъ: Иисусъ назоряннинъ царь іудейскій, также не поклонялись св. иконамъ новописаннымъ, преданнымъ св. православною Церковію. Они дѣлали отъ себя литые кресты, съ надписаніемъ: *Царь славы*, и писали свои образа; имъ только кланялись и въ народъ пуцали. Еедосѣвцы же, отвергая кресты и образа даниловцевъ, дѣлали свои, изображая на крестѣ евангельское титло: *Иисусъ назоряннинъ царь іудейскій*; и лишь своимъ изображеніямъ поклонялись. Тогда какъ даниловцы молились за царя, еедосѣвцы отвергли это, и напрімѣръ въ пѣсни: *крѣпость даяи царемъ нашимъ Гос-*

подъ, они пѣли: *крѣпость даѣя работѣ своимъ* Господь. ¹ Споры о крестахъ и иконахъ возведены были между ними въ письменность. По Москвѣ ходила тетрадка, выпущенная еодосѣвскимъ лжеучителемъ Семеномъ Савельевымъ, въ которой разбиралась распря касательно надписи на животворящемъ крестѣ, и евангельская надпись: *Иисусъ назорѣанинъ царь іудейскій*, подвергалась хульнымъ пререваніямъ. Въ средѣ этихъ двухъ вѣтвей безпоповщины возникали новыя отдѣленія. Такъ, въ даниловскихъ свитахъ жилъ старецъ Терентій, бывшій въ 1745 году старшимъ учителемъ. Куца его стояла на томъ горѣломъ мѣстѣ, гдѣ сжегъ себя старецъ Филиппъ. Ожидая новой послѣ Самарина, бывшаго въ 1739 году, комиссіи въ даниловскіе свиты, старецъ Терентій все приготовилъ, чтобы, подражая Филиппу, зажечь свою велью, и среди дыма и пламени улетѣть на небо. И вотъ таковой важный старецъ вмѣшался въ споръ, отвергъ еодосѣвцевъ съ ихъ системою, не принялъ и даниловскаго креста, ихнимъ образамъ не кланялся, а началъ дѣлать свои кресты, сочинилъ для нихъ особую надпись: *Царь славы—Иисусъ Христосъ*, и только предъ своими произведеніями молился. Старецъ Терентій имѣлъ также послѣдователей себѣ, между которыми упоминается Михайло Петровъ, отставной матросъ. Другіе безпоповцы, соблазняясь такими несогласіями, отстали отъ даниловцевъ, не пристали къ еодосѣвцамъ, даже не хотѣли слѣдовать и за старцемъ Терентіемъ, а рѣшились жить отъ всѣхъ отдѣльно въ безмолвіи, *по уставу св. Пахомія*. Сія броженія особенно были сильны въ Москвѣ, но отражались частію и на петербургскихъ раскольниковъ. Въ С. Петербургѣ средоточіемъ ихъ былъ Яковъ Григорьевъ Сергѣевъ. Исторія этого чело-вѣка, замѣчательная сама по себѣ, объясняетъ распростране-

---

¹ Въ истор. министерства внутр. дѣлъ (нн. 8, стр. 392) несправедливо сказано, будто раскольники перестали молиться за царя въ царствованіе Екатерины II, послѣ пожара, истребившаго Даниловскій монастырь, и по настоянію елипповской сенты. Наше свѣдѣніе взято изъ показаній раскольниковъ, современныхъ разногласіямъ объ этомъ предметѣ.

ніе раскола въ Петербургѣ, и многія обстоятельства, къ нему относящіяся.

Въ 1710 году, при сдачѣ г. Выборга русской арміи, одинъ русскій купеческій сынъ взялъ къ себѣ малолѣтняго мальчиго финна, лютеранской вѣры, и прибывши въ С. Петербургъ, продалъ его за деньги Петропавловскаго собора діакону Сергѣю Иванову. Соборный священникъ Григорій окрестилъ его въ православную вѣру, причемъ діаконица Саломонида Иванова была воспріемницею, а московскій купецъ Григорій Осиповъ Турчаниновъ воспріемникомъ. Послѣ крещенія финнъ назывался Яковомъ Григорьевымъ Сергѣевымъ. Діаконъ обучилъ Сергѣева русской грамотѣ, а послѣ смерти діавона с. петербургскій купецъ Семень Дмитріевъ, женившись на вдовѣ-діаконицѣ, научилъ финна писать. Въ 1725 году, финнъ Яковъ Григорьевъ былъ повѣнчанъ въ Сампсоніевской церкви съ солдатскою дочерью Авдотьей Петровою. Овдовѣвъ во второй разъ, бывшая діаконица Саломонида дала Сергѣеву, крестнику своему, въ 1730 г. отпускное письмо, по которому онъ 16 марта изъ конторы военной коллегіи получилъ указъ для свободнаго житія и торгу въ С. Петербургѣ, съ обязательствомъ приписаться, гдѣ надлежитъ. Только Сергѣевъ не приписался къ купечеству въ С. Петербургѣ, а торговалъ ластовыми мореходными судами. Сергѣевъ и Авдотья Петрова имѣли въ своемъ бракѣ девять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались сыновья: Петръ, Иванъ, Матвѣй, Яковъ, Семень, и дочери: Елена, Марѳа, Марія, которые всѣ крещены въ равныхъ приходахъ православными священниками. Дѣти у Сергѣева старшіе были обучены, а младшіе учились еще російской грамотѣ, старшій же сынъ Петръ умѣлъ и писать. До 1733 года все семейство Сергѣева, хотя и не каждагодно, исповѣдывалось и св. таинъ причащалось у священниковъ тѣхъ приходовъ, гдѣ они жилали на вольныхъ квартирахъ.

Содержа православную вѣру безъ всякаго сомнѣнія, Сергѣевъ съ 1733 года началъ колебаться въ ней, склоняясь къ

расколу. Его погубило знакомство съ раскольниками, совсѣмъ случайное, и чтеніе старопечатныхъ книгъ. Разъ, Сергѣевъ поѣхалъ на своей лошади купить себѣ хлѣба на баркахъ, которыя стояли у Выборгской стороны на Невѣ рѣкѣ. На одной изъ такихъ барокъ сидѣли у каюты два человѣка, и читали книгу.

«Что то за книга?» спросилъ, подошедши къ нимъ, Сергѣевъ.

— Книга сія старопечатная именуется вѣра, — отвѣчали купцы, неизвѣстно отколь прибывшіе.

Сергѣевъ попросилъ у нихъ тутъ же посмотреть книгу, и между прочимъ пробѣжалъ статью о двоеперстномъ сложеніи съ доказательствами. Потомъ онъ купилъ у нихъ хлѣба, положилъ на повозку и уѣхалъ къ себѣ. Но книга залегла у него на сердце. «Съ того времени», говорилъ Сергѣевъ, «я къ нынѣшнему человѣку и больше сталъ въ вѣрѣ имѣть сомнѣтельство».

Въ другой разъ случилось быть Сергѣеву въ старомъ гостиномъ дворѣ на с. петербургскомъ островѣ. По гостиному ходилъ какой-то человѣкъ, и, держа въ рукахъ, продавалъ старопечатную книгу, подъ названіемъ: *псалтырь учебная*. Сергѣевъ сторговалъ книгу за шестьдесятъ копѣекъ, и какъ у него не случилось съ собою столько денегъ, то незнакомецъ согласился за остальными идти къ Сергѣеву на квартиру. Тутъ они познакомились. Незнакомецъ сказалъ, что его зовутъ Василій Бугаевъ, и что онъ—раскольникъ изъ даниловскихъ скитовъ.

У Сергѣева лежала въ это время на шкапу книга: старопечатная кормчая. Ему далъ почитать ее кумъ, купецъ Никита Степановъ, который воспринималъ нѣкоторыхъ дѣтей Сергѣева отъ св. купѣли. Съ позволенія хозяина, Бугаевъ, снявши со шкапа книгу, читалъ ее съ такимъ толкованіемъ, «что-де надобно тебѣ, Сергѣеву, съизнова креститься и жить, какъ въ скитахъ живутъ», приглашая съ собою Сергѣева ѣхать въ даниловскіе скиты. Тѣмъ кончилось первое ихъ знакомство.

Но Бугаевъ съ сихъ поръ не переставалъ посѣщать Сергѣева, и всякій разъ приносилъ съ собою *Цѣтники* изъ старопечатныхъ книгъ. Они прочитали статью о двоеперстномъ сложеніи, съ угрозою проклятiя на троеперстное. Также Бугаевъ протолковалъ Сергѣеву нагорную бесѣду Спасителя о кончинѣ міра съ такими заключеніями: «отъ толкованiя де сего стиха—епископы, священницы, и діаконы, и всякіе учительные люди отпадутъ отъ истины, и не будетъ въ жертвенницѣхъ истиннаго пѣнiя и праваго ученiя». Жена Сергѣева Авдотья Петрова присутствовала при наставленiяхъ Бугаева. «И отъ того времени, мы *и съ женою*», говорилъ Сергѣевъ, «за онымъ писанiемъ, въ православной вѣрѣ возимѣли всякое сумнительство».

Теща Сергѣева, старуха солдатка Мавра Иванова, видя, что разговоры зятя съ Бугаевымъ не поведутъ къ добру, что зять, пожалуй, уйдетъ въ скиты, объявила обо всемъ діакону Сампсоніевской церкви—Ивану Григорьеву, а діаконъ подалъ доношеніе въ бывшее с. петербургское духовное правленіе. Сторожѣ правленскіе подкараулили, когда Бугаевъ пришелъ къ Сергѣеву, поймали ихъ за разговоромъ о старой вѣрѣ, и обоихъ свели въ духовное правленіе.

Дѣло Сергѣева разбиралось въ духовномъ правленіи, и восходило въ св. Синодъ. Сергѣевъ, какъ оказалось, держался доселѣ православной вѣры, и впредь обѣщавался въ ней быть. Однакоже, ясно было, что онъ уже склонился—было къ расколу, принималъ у себя льстеца и развратителя Бугаева, и о немъ не доносилъ по начальству. Напротивъ, Сергѣевъ слѣдовалъ его развратительству, даже списывалъ у него для себя какія-то тетради. Посему, по опредѣленію св. Синода отъ 3 марта 1735 года, Сергѣевъ учинилъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней публичное въ церкви отреченіе отъ раскола, съ исповѣданiемъ православной вѣры, потомъ исповѣдался предъ отцемъ духовнымъ во всѣхъ своихъ прегрѣшенiяхъ, и причащенъ св. таинъ. Съ Сергѣева взята была росписка въ томъ, что онъ и впредь исповѣдъ и св. причастіе будетъ чинить

вседомовнѣ неотложно, а развратителей въ себѣ въ домъ не принимать, и о нихъ, если увѣдаетъ, доносить.

Бугаевъ спустя нѣсколько лѣтъ умеръ. Сергѣевъ же со всѣмъ семействомъ, страха ради, чинилъ исповѣдь на духу, притворяясь православнымъ, а въ сердцѣ своемъ былъ уже мертвымъ и отъятымъ членомъ отъ св. Церкви. Въ 1737 или 1738 году, онъ дважды ѣздилъ одинъ въ даниловскіе свиты «для выисканія», по его словамъ, «въ божественномъ Писаніи истины». Тамъ каждый разъ онъ живаль недѣли по двѣ. Лжеучители: самъ Семень Денисовъ, Даниилъ Матвѣевъ, Трифонъ Петровъ, Стахій Осиповъ наставляли его по разнымъ книгамъ, старопечатнымъ и письменнымъ. Въ 1739 году, Сергѣевъ, забравъ съ собою жену и дѣтей: Петра, Ивана, Елену и Марю, поѣхалъ въ скитъ съ рѣшительнымъ-было намѣреніемъ перекреститься по раскольнической прелести, и жить въ скитахъ безсѣздно. Однакожь, на счетъ крещенія онъ былъ еще сумнителенъ и не крестился, но во всемъ прочемъ держался даниловскаго раскола. Между прочимъ, его удержало отъ раскольническаго крещенія то обстоятельство, что, промежъ разговоровъ свитскихъ своихъ наставниковъ, онъ услышалъ, что въ Москвѣ есть еще еедосѣвскій толкъ, вѣтви котораго существуютъ въ Польшѣ, Стародубѣ, въ Старой Русѣ и во многихъ мѣстахъ. Сергѣеву возмнилось, по таковой великости еедосѣвскаго толка, не лучше ли онъ даниловскаго? Сергѣевъ захотѣлъ повидать еедосѣвцевъ на мѣстѣ, и въ 1741 году отправился съ сыномъ Петромъ въ Москву.

Въ Москвѣ Сергѣевъ нашелъ первопришедшихъ изъ даниловскаго толка лжеучителей: Мокія Гаврилова и Михайлу Кириллова, которые имѣли пристанище у московскихъ своихъ единомысленниковъ: Ипата Григорьева на Хохловкѣ, позументщива Федора Никитина въ Семеновской слободѣ, Григорья Яковлева, Сергѣя Никитина, Тихона Григорьева. Видалъ здѣсь Сергѣевъ и еедосѣвскихъ лжеучителей, на время пріѣхавшихъ изъ Польши: Игнатія Трофимова, Семена Савельева, Илью Иванова, Михайлу Григорьева и другихъ. Жи-

вучи въ Москвѣ, Сергѣевъ самъ отправлялъ въ своей квартирѣ вечерни, заутрени и часы по старопечатной псалтыри, и по другимъ книгамъ того же типа. Предъ сырною седмицею, 1743 года, у него служилъ всенощное, часы и молебень Божіей Матери по старопечатнымъ книгамъ даниловецъ Михаилъ Кирилловъ, который служивалъ въ даниловскихъ скитахъ и по домамъ московскихъ единовѣрцевъ. Кирилловъ совершалъ службы съ употребленіемъ св. евангелія, вреста и кадила. За службу, Сергѣевъ далъ ему съ товарищами полтину, и сверхъ того угостилъ ихъ обѣдомъ. Въ ночь на св. Пасху, Кирилловъ, *начальствоу* въ службѣ, отправлялъ ее въ домъ потаеннаго раскольника Федора Никитина, при собраніи другихъ двадцати челоувѣкъ, а на праздникъ Св. Троицы онъ же служилъ въ домѣ Ипата Григорьева, причемъ было челоувѣкъ съ тридцать народу.

Всѣ эти еедосѣвцы и даниловцы, по свидѣтельству Сергѣева, подговаривали и переkreщивали людей. Много бесѣдовали они и съ Сергѣевымъ; только Сергѣевъ, усмотря распри между даниловцами и еедосѣвцами, овночательно не захотѣлъ пристать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Даже онъ сталъ въ оппозицію противъ обоихъ сектъ, сталъ обличать ихъ отъ св. Писанія, и обличалъ, между прочимъ на основаніи книги Никона черногорца, такъ побѣдоносно, что, отъ-нечего связать въ свою защиту, обѣ партіи жестоко возненавидѣли Сергѣева, и очень его обижали. Московскій купецъ, Алексѣй Ивановъ Жемчужниковъ, еедосѣвецъ, говорилъ однажды Сергѣеву: «у насъ и лучше-де тебя были, и тѣ-де въ тюрьмѣ сгнили; а ты-де одинъ, а насъ много; и буде много станешь говорить, то воль-те въ горло, и недолго будешь говорить». Прежде помянутый Игнатій Трофимовъ, еедосѣвецъ, связывалъ Сергѣеву: «кабы де-ты у насъ былъ въ Польшѣ, и тамъ-де бы такъ сталъ говорить, скоро-бъ у насъ минулъ» (т. е. пропалъ). И многаяжды, не ограничиваясь словами, они бивали Сергѣева, а напоследокъ хотѣли-было и животь его истребить.

Возвратившись въ Петербургъ, Сергѣевъ окончательно разошелся со всѣми сектами, продолжалъ спорить и обличать даниловцевъ, терпѣлъ отъ нихъ разныя поношенія, и рѣшился, по его словамъ, жить по *божественному Писанію и по уставу св. Пахомія, въ отшельничествѣ и въ молчаніи, и о своихъ грѣхахъ плакаться, какбы мощно спастися.*

Священникъ *Михаилъ Архангельскій.*

ИЗЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

(ОКОНЧАШЕ).

Въ 1745 году, при с. петербургскомъ архіепископѣ Тео-
досіѣ, производилась генеральная ревизія. Должно за-
мѣтить, что ревизіонному присутствію было внушено—расколь-
никовъ, раньше записавшихся въ двойной окладъ, по возобнов-
леніи скаски, оставлять въ повоѣ жить попрежнему, а о
записывающихся вновь подавать скаски въ св. Синодъ, да и
самихъ подъ карауломъ отсылать въ духовныя команды. По
С. Петербургу и Ингерманландіи сенатомъ опредѣленъ къ
ревизіи полковникъ Давидовъ. Онъ долженъ былъ повѣрить
раскольниковъ въ скитахъ и прочихъ явныхъ жилищахъ по
скаскамъ, отъ нихъ подаваемымъ, немедленно, и на мѣстахъ
чинить именныя вѣдомости, кто, до ревизіи 1745 года, дѣй-
ствительно былъ записанъ въ расколъ, и кто записывается
вновь, и, какъ можно скорѣе, прислать свѣдѣнія, между про-
чимъ, въ св. Синодъ. Синодъ хотѣлъ обратить ревизію въ
пользу сокращенія и искорененія раскола по всей Россіи.
Вотъ, въ числѣ раскольниковъ, прежде записанныхъ въ двой-
ной окладъ, которыхъ было немного, явился Яковъ Гри-
горьевъ, бывший доселѣ, по бумагамъ, православнымъ, чтобы
записаться въ расколъ. Ревизіонное присутствіе, по смыслу
указа, немедленно, при промеморіи, отправило Сергѣева въ св.
Синодъ. Объясняя откровенно обстоятельства дѣла, Сер-
гѣевъ раскрылъ раскольниковъ московскихъ и петербургскихъ.
Для изслѣдованія дѣла о московскихъ раскольникахъ, св. Су-

нодѣ послалъ распоряженіе въ московскую синодальную контору. О петербургскихъ раскольникахъ оно производилось, по началу, въ св. Синодѣ.

Отъ Сергѣева и его семейства были отобраны подробныя показанія какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ раскольникахъ. Самъ Сергѣевъ содержался подѣ карауломъ при канцеляріи св. Синода. Петербургскій священникъ Игнатій представленъ былъ къ нему, для отвращенія его, путемъ убѣжденій, отъ раскольнической прелести. Въ октябрѣ 1745 года, Сергѣевъ изъ-подѣ караула внесъ въ св. Синодѣ собственноручную бумагу, въ которой писалъ, что онъ, по наставленію священника Игнатія, прозрѣлъ въ свои заблужденія, и просилъ, чтобы его съ женою и дѣтьми опять сопричли къ единой святой соборной и апостольской Церкви, выражая желаніе, чтобы священникъ Игнатій продолжилъ съ нимъ бесѣды отъ божественныхъ писаній. Въ 1745 году, Сергѣевъ вторично былъ присоединенъ тѣмъ же порядкомъ къ св. Церкви — въ Петропавловскомъ соборѣ. При семъ произнесена была имъ всенародно слѣдующая присяга:

«Азъ, нижеименованный, твердо вѣрую и, кромѣ всякаго сомнѣнія, истинно исповѣдую всекупно и коеждо особнѣ, еже заключается въ символѣ, сіестъ въ изложеніи вѣры, на святыхъ вселенскихъ соборѣхъ— Никейскомъ первомъ и Константинопольскомъ второмъ сложенныхъ, егоже святая соборная апостольская восточная Церковь содержитъ и исповѣдуетъ.»

«Вѣрую во единого Бога Отца... и жизни будущаго вѣка. Аминь.»

«Апостольская и церковная преданія, и иная тояжде Церкви узаконенія, уставы же и распоряженія истинно и крѣпко пріемлю и лобызаю.

«Тавожде св. Писаніе, по разумѣнію, еже содержала и содержитъ Церковь святая восточная, мати наша, ей же приличествуетъ разсуждати о истинномъ разумѣніи и истолкованіи св. писаній; пріемляй же сіе, когда развѣ по единодушному согласію св. отецъ, пріимати и разумѣвати буду.»

«Исповѣдую такожде семь быти истинно и свойственно таинъ новаго завѣта, отъ Іисуса Христа, Господа нашего, уставленныхъ на спасеніе рода человѣческаго, сіе есть: крещеніе, миропомазаніе, евхаристія, покаяніе, елеосвященіе, священство и супружество, имиже благодать приѣмлющимъ подается.»

«Пріятыя такожде и утвержденныя Церкве православно-каеолическія восточныя чины предреченныхъ всѣхъ таинъ приѣмлю и лобызаю.»

«Къ тому: церковное пѣніе, моленіе, посты, поклоны и прочая дѣла добрыя, яко богоугодныя, приѣмлю, и исповѣдую, яко творящіе таковая съ вѣрою и надеждою служатъ и повланяются Богу духомъ и истиною.»

«Исповѣдую къ сему въ литургіи божественной приноситься Богу истинной свойственной и богоугодной, благопріятнѣй жертвѣ о живыхъ и усопшихъ, и въ евхаристіи тайнѣ быти истинно и существенно тѣлу и крови, купно съ душею и божествомъ Господа нашего Іисуса Христа, и быти премѣненію всего существа хлѣба—въ тѣло и всего существа вина—въ кровь, еже каеолическая восточная Церковь пресуществленіемъ именуеть.»

«Исповѣдую такожде подъ двѣма видами хлѣба и вина всего и цѣлаго Христа и истинную тайну вѣрнымъ примати.»

«Твердо исповѣдую, яко иконы Христовы и приснодѣвы Богородицы и прочихъ святыхъ достойтъ имѣти и содержати, и достойную честь тѣмъ воздавати подобаетъ.»

«Тakoжде святыхъ угодниковъ Божіихъ, со Христомъ на небеси царствующихъ, и мощи ихъ подобающею честію почитати, и на помощь ихъ призывать, изряднѣ же пречистую приснодѣву Марію Богородицу, нашего спасенія ходатаицу.»

«Вѣрую къ сему и исповѣдую отъ Христа Бога данную быти власть, въ Церкви православно-каеолической, архіереомъ и іереомъ другъ-друго-пріимательнѣ, еже вязати и рѣшати, и яво: еже аще они тою, имъ данною, властію свяжутъ и разрѣшатъ на земли, свявано и разрѣшено будетъ и на небеси.»

«Власть же сію, данную отъ Христа, нигдѣ индѣ вѣрю быти, но токмо—во единой православно-каѳолической восточной Церкви, яже отъ начала въ Россіи—цѣла, невредима, и донинѣ пребываетъ, и не всякому вручена есть, токмо служителемъ божественныхъ таинъ.»

«Прочая такожде вся, отъ святыхъ отецъ на святыхъ семи вселенскихъ и помѣстныхъ соборѣхъ преданная, узаконенная и изъясненная, кромѣ всякаго сомнѣнія, приѣмлю и исповѣдую; купно же противная вся: и ереси всякія, отъ Церкви осужденныя, отверженныя и проклятыя, и азъ такожде осуждаю, отмечаю и анаемѣ предаю.»

«Сію истинную православно-каѳолическую вѣру, кромѣ еяже нитѣ спастися можетъ, юже нынѣ добродотнѣ исповѣдую, и истинно содержати буду, туюжде цѣлу и невредиму, даже до конечнаго издыханія, постоянно, Богу помогающе, содержати и исповѣдати, елико мощно ми, тщатися буду. Тако ми Богъ да поможетъ и сіе божественное Христово евангеліе (цѣлуеть его). Аминь.»

«Аще же сіе лицемѣрнѣ глаголю, или когда бѣсовскимъ навожденіемъ въ прежнее заблужденіе, аки пещъ на своя блевотины, возвращаюся, или въ чемъ либо Церкви святой каѳолической восточной, ейже нынѣ, благодатію Божіею, самовольнѣ, не страха ради пріобщикъ, противенъ явлюся, да буду, якоже язычникъ и мытарь.»

«Да возвратятся на главу мою вся клятвы и анаемы, на еретиковъ и на отступниковъ отъ святыхъ отецъ на вселенскихъ семи и помѣстныхъ соборѣхъ изреченныя, и да подлежу всѣмъ казнемъ, правилами церковными и гражданскими опредѣленнымъ, и суду Императорскаго Величества.»

Эту присягу произносили въ то время всѣ, изъ раскола присоединяющіеся къ православной вѣрѣ. Сергѣевъ съ женою и дѣтьми, по обычаю, подписалъ ее. Это уже во второй разъ Сергѣевъ произносилъ сію присягу и росписывался подъ нею. Сверхъ того, ему связанъ въ синодальной конторѣ указъ, чтобы «впредь ему о той раскольнической прелести разговоръ

и ученія не точію постороннимъ, но и въ одномъ домѣ живущимъ, никому отнюдь не произносить, и никого тому не учить, и никакими способами къ той раскольнической прелести не привлекать, и учителей раскольническихъ и потаенныхъ раскольниковъ въ домъ къ себѣ не принимать, и противныхъ правому св. Церкви мудрованію книгъ, на большее ими прельщеніе и другимъ на соблазнъ употребляемыхъ, отнюдь у себя не держать, и гдѣ потаенныхъ и незаписныхъ раскольниковъ и раскольническія книги увѣдаетъ, объявлять ему безъ всякой утайки, гдѣ надлежитъ, непременно. Такожь отнынѣ и впредь ему вседомовнѣ тайны св. покаянія и причащенія исправлять повсягдно, а не такъ, какъ онъ, Сергѣевъ, и напредъ сего, за таковымъ учиненнымъ ему обязательствомъ и сверхъ того присягою, паки и горшае явился въ заблужденіи и соблазнѣ. А ежели все вышеписанное пренебрежетъ, то не токмо имѣнія своего лишень будетъ, но, по учиненіи въ свѣтскомъ судѣ жестокаго наказанія, посланъ будетъ на галеры, какъ Императорскаго Величества указы повелѣвають, неотмѣнно». Сергѣевъ собственноручно обязался все повелѣнное исполнять. Священнику Сампсоніевской церкви Матеею, духовнику Сергѣева при послѣднемъ присоединеніи, предписано было за Сергѣевымъ наблюдать, чтобы онъ исполнялъ все сказанное въ указѣ синодальной конторы.

Изъ подробныхъ показаній Якова Сергѣева, данныхъ въ синодальной канцеляріи, сдѣлались извѣстными с. петербургскіе раскольники — безпоповцы выговскаго толка. Это были въ 1745 году: Купріанъ Маревъловъ, жительствовавшій своимъ дворомъ противъ Морскаго рынка на землѣ графа Чернышева; Терентій Ѳедосѣевъ, Карпъ Семеновъ и Авдѣй Ларіоновъ, которые жили въ дворцовыхъ слободахъ за аничковскими воротами; Михаилъ Ѳедоровъ, жившій своимъ дворомъ въ большой Никольской слободѣ; Димитрій Ивановъ съ сыномъ, жившій своимъ дворомъ въ Малой Оружейной улицѣ; Иванъ и Димитрій Яковлевы, жившіе своими дворами на Петербургскомъ островѣ противъ стараго гостинаго двора, въ мелочной

линіи; Иванъ Ипатовъ и Максимъ Андреевъ, мелочный торговецъ на Гостиномъ, Матвѣй Осиповъ, да лабазники, торговавшіе мукой на Московской сторонѣ подъ Невскимъ: Яковъ Ильинъ и Илья Ѳедоровъ Романовцевъ; Аѳанасій Дорофеевъ, жившій своимъ дворомъ на берегу малой Невки и съ родными переселившійся впоследствии въ даниловскіе свиты; торговецъ Василій Куравцевъ и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ лабазники изъ-подъ Невскаго: Яковъ Ильинъ и Илья Романовцевъ съ отцами, братьями и сестрами были записаны въ расколъ. А всѣ прочіе потаенно держали старую вѣру. Тайные раскольники тѣмъ отличались отъ явныхъ, что не обозначали себя раскольниками въ ревизскихъ скаскахъ, не платили двойнаго оклада, не надѣвали особаго платья, ходили, *за страхъ*, на исповѣдь, дерзостно приступали къ св. тайнамъ, и крестъ на исповѣди показывали священнику троеперстный. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Аѳанасій Дорофеевъ, въ показаніяхъ подробно объясняли, что они родились отъ православныхъ родителей и крещены въ православной Церкви. Слѣдовательно въ расколъ они были соращены уже въ С. Петербургѣ даниловскими лжеучителями. 21 іюня 1750 года, по указу св. Синода, въ С. Петербургѣ и по другимъ епархіямъ собирались свѣдѣнія о лицахъ, записавшихся въ расколъ послѣ ревизіи 1745 года—и по истеченіи срочнаго термина, назначеннаго по предмету записи указами. С. петербургская консисторія предписывала священникамъ дать *справедливыя, по священству, извѣстія*. Въ числѣ такихъ лицъ показаны священниками изъ Вознесенскаго, что при адмиралтейскихъ слободахъ, прихода, с. петербургскій купецъ Григорій Михѣевъ Соболевъ, с. петербургскіе купцы, жившіе въ Кронштадтѣ: Лазарь Ивановъ Цвѣтининъ съ женою Ириною, сыномъ Филиппомъ, вдовою матерью Матреною и работникомъ Сергѣемъ Никифоровымъ; Иванъ Андреевъ съ женою Стефанидою и другіе, да изъ прихода живоначальной Троицы на Охтѣ плотники: Петръ Григорьевъ Волновъ съ женою Ириною Ларионовою, племянникъ его Яковъ Тимо-

еевъ, той же фамиліи, съ женою Ѳеодосею Ивановою и матерью, которую звали Дарья Никитина; Иванъ Андріановъ съ дѣтьми Григоріемъ и Ѳеодоромъ; Нивита Гусевъ, сынъ Василія Ефимова, съ женою Дарьей Григорьевою и матерью Ульяною Савиновой. По прочимъ приходамъ записавшихся въ расколъ послѣ срочнаго термина не показано. Приведенный перечень объясняетъ, что расколъ въ С. Петербургѣ распространялся, преимущественно между ремесленниками и торговымъ сословіемъ, что раскольники изъ торговцевъ были все люди достаточные, домовитые, что гнѣздо секты не ограничивалось одною какою-либо мѣстностію, а жили раскольники по всему Петербургу въ разныхъ приходяхъ, въ томъ числѣ контингентъ ихъ на Охтѣ теперь значительно увеличился противъ прежняго времени.

Св. Синодъ чрезъ контору главнаго магистрата требовалъ къ себѣ показанныхъ раскольниковъ на допросъ. Только немногіе были сысканы и представлены по сему требованію, другіе же не явились, отзываясь болѣзнію, а иные совсѣмъ не были сысканы. Явившіеся въ св. Синодъ, напримѣръ Аѳанасій Дороеевъ, упорно утверждали, что ихъ оклеветалъ въ расколѣ Яковъ Григорьевъ Сергѣевъ, и что о своихъ родственникахъ-раскольникахъ они *несведомы*. Дѣло это въ св. Синодѣ непременно было бы раскрыто при дальнѣйшемъ *слѣдствопроизводеніи*. Но вѣдь раскольники эти жили въ С. Петербургѣ, и слѣдственно подлежали власти епархіальнаго начальства. Св. Синодъ, въ февралѣ 1746 года, передалъ слѣдственное дѣло о нихъ преосвященному Ѳеодосію, с. петербургскому архіепископу. Тутъ оно кончилось, — и кончилось, какъ говорится, ничѣмъ. Консисторія писала отъ 19 февраля 1746 года промеморію въ контору главнаго магистрата о высылкѣ къ допросу оговоренныхъ выше въ расколѣ. Но отвѣта изъ магистрата не послѣдовало. 5 мая, консисторія опять отнеслась въ контору, которая на сей разъ отъ 29 мая отвѣчала, что Василія Куравцева съ сыномъ въ петербургскомъ купечествѣ не имѣется, а работники нѣкоторыхъ торговцевъ,

изъ купцовъ ли они или изъ мѣщанства, — того знать невозможно; что раскольникъ Димитрій Явовлевъ, по показанію брата его, умеръ, а сынъ его Симонъ обрѣтается при покупкѣ матеріаловъ къ ластовымъ мореходнымъ судамъ у купца Аванасія Мартова (раскольника); что работникъ Аванасія Дороеева — Яковъ Ильинъ пошелъ на прежнее жительство, а куда — неизвѣстно, а записки о себѣ не оставилъ; что прочіе оговоренные не сысканы, а когда сыщутся, будутъ представлены въ консисторію. Преосвященный Θεодосій подозрѣвалъ неправоту магистратской конторы, и при третьей промеморіи, отъ 10 іюня того же года, угрожалъ обратиться къ высшей командѣ съ жалобой на членовъ магистратской конторы.

Между тѣмъ, пока контора магистрата тормозила ходъ дѣла, въ св. Синодѣ оно снова возгорѣлось съ большею силою. Сергѣевъ, присоединившись къ св. Церкви, добровольно вызвался предъ св. Синодомъ *сыскивать* всякихъ, явныхъ и потаенныхъ, раскольниковъ, и какъ дѣло о семъ передано преосвященному Θεодосію, то и Сергѣевъ присланъ въ вѣдѣніе с. петербургской консисторіи. Тогда раскольники еще сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, принялись преслѣдовать Сергѣева и за личное присоединеніе къ св. Церкви, и за ревность къ искорененію раскола, били его, даже хотѣли и животь его истребить. По прояскамъ ихъ, Сергѣевъ держанъ былъ въ с. петербургской ревизіи и въ провіантской конторѣ. Въ самой консисторіи раскольники не давали ему пощады. 5 іюня 1746 года, потаенный раскольникъ, с. петербургскій купецъ, Иванъ Чубаровъ, за то, что Сергѣевъ сказалъ ему евангельское слово: *покайся*, бранилъ Сергѣева, при свидѣтеляхъ, неприличными словами, присовокупляя: «мало-де васъ (съ другими обратившимися отъ раскола) и внутомъ бить; надлежитъ васъ сжечь», и въ этихъ словахъ Чубаровъ повинился на слѣдующій день самъ на очной ставкѣ. Чего же добраго могъ ожидать теперь Сергѣевъ отъ раскольниковъ, встрѣтившись съ ними, напримѣръ, на улицѣ, или въ какихъ-нибудь дѣловыхъ отношеніяхъ? И точно, положеніе его было самое горькое.

Сидѣльцы: с. петербургскаго купца Дмитрія Лукина — Михайла Дмитріевъ, купца Василя Ольхина — Яковъ Ивановъ, купца Федора Андреева—Данила Савельевъ, умысля воровски, въ желѣзной линіи адмиралтейской части бранили и били Сергѣева, съ другимъ его товарищемъ Лялинымъ, также бросившимъ расколъ. Того жъ часу, къ нимъ подоспѣли на подмогу и сами, подославшіе ихъ, с. петербургскіе купцы: Иванъ Кокушкинъ и Данила Евсѣевъ Лувинъ. Они били Сергѣева и Лялина всенародно смертнымъ боемъ, приговаривая: «вась-де убить вмѣсто собаки, и собака-де лучшее вась, и что онъ-де, Сергѣевъ, воръ (въ смыслѣ того времени: злодѣй), и надлежитъ его сжечь». Гвардейскіе солдаты, увидавъ эту сцену, вступились за Сергѣева и Лялина, но едва отбили ихъ отъ обидчиковъ. Прелестникъ раскольниковъ въ С. Петербургѣ Игнатій Гуттуевъ, сошедшій съ Сергѣевымъ, грозилъ ему и Марвелову, говоря: «будете вы насъ знать и поминать», а купецъ Иванъ Ипатовъ, потаенный раскольникъ, при самой канцеляріи ревизіи, обзывалъ Сергѣева трикратно бѣсомъ и всего свѣта прелестникомъ, и смѣясь говорилъ: «развѣ ты Кукушкина позабылъ; попадись-де ты къ намъ въ руки, и не то тебѣ будетъ; да нивавъ отъ нашихъ рукъ не уйдешь». Другіе подымались на такую высоту смѣлости, что злоупотребляли своею общественною должностію и правами, лишь бы насолить Сергѣеву. Приставленный отъ купечества къ сбору подушныхъ денегъ, тайный раскольникъ, с. петербургскій купецъ Петръ Рогожинъ, увидавъ на улицѣ Сергѣева, объявилъ ему, что онъ имѣется у него, Рогожина, при реэстрѣ с. петербургскимъ купцамъ съ дѣтьми, и, на основаніи такого ложнаго заявленія, просилъ съ него денегъ, повлодѣйски угрожая: «счастливъ-де ты, что не съ кѣмъ тебя взять; велѣно-де тебя ловить». А когда Сергѣевъ заявилъ, что онъ не въ купечествѣ, а въ цеху состоитъ, и отсылалъ сборщика на этотъ предметъ за справкой въ контору ревизіи: то Рогожинъ злостно отвѣчалъ: «попадись-де ты къ намъ; будетъ тебѣ справка». А упомянутый прежде Игнатій Гуттуевъ сыгралъ

съ Сергѣевымъ исторію еще смѣлѣе и непріятнѣе. Онъ обоглазъ главную полиціимейстерскую канцелярію, «будто бы Сергѣевъ человекъ шатающійся и безъ всякаго вида, и нигдѣ не явленъ». Приходить въ квартиру Сергѣева десятскій съвзагаго двора съ Адмиралтейской части Исай Антоновъ съ солдатомъ и говоритъ, «что его, т. е. всё же Сергѣева, зоветъ къ себѣ полицейскій поручикъ до перспективной дороги для слова». Сергѣевъ вышелъ изъ дому, не подозрѣвая, что тутъ кроется обманъ, состроенный по наученію Гуттуева. По дорогѣ уже раскрылось дѣло. Десятскій сказалъ, что ведетъ Сергѣева подъ караулъ въ полицію, и что его велѣлъ взять Гуттуевъ. Въ полиціи Сергѣевъ объявилъ данный ему изъ военной конторы указъ и обязательство съ поручами о бытіи ему въ рукавишномъ цеху. Тутъ указъ съ обязательствомъ у него отняли, а ему велѣли явиться къ альдерману (т. е. старшинѣ) цеха. Къ внѣшнимъ непріятностямъ присоединилось еще новое чувствительное и наиболѣе близкое къ личности Сергѣева горе. По причинѣ длинной проволоочки дѣла изъ-за хитростей магистрата, Сергѣевъ, волочась по Петербургу для сыску раскольниковъ, истощалъ, и ходя за онымъ дѣломъ, какъ на пропитаніе, такъ и на нужные расходы и на перевозки, почти ничего не имѣлъ, да и требовался для него тѣлохранитель изъ солдатъ для защиты отъ раскольниковъ. Ибо упомянутый прежде Рогожинъ, выбранный отъ купечества для сбора подушныхъ денегъ, не ограничился одними угрозами передъ Сергѣевымъ, а и привелъ ихъ въ дѣло. Разъ Сергѣевъ шелъ гдѣ-то съ солдатомъ, даннымъ ему отъ св. Синода въ проводники. Рогожинъ же заввалъ ихъ въ сборную купеческую избу. Солдата тотчасъ же вытолкали изъ избы вонъ, а Сергѣева, обнаживъ, раскольники колотили палками. Сергѣевъ сталъ было кричать: *караулъ!* Но это не помогло... Тогда онъ рѣшился на послѣднюю мѣру, бывшую со временъ Бирона въ большомъ ходу, и сказалъ, что онъ знаетъ за собою *слово и дѣло* ея императорскаго величества. Ну, тогда бросивъ бить, его отравили въ тайную канцелярію, а тамъ засадили его въ кан-

далахъ подъ вѣривій арестъ и караулъ. Св. Синодъ указомъ сносился съ канцелярією, прося ее передать Сергѣева въ духовное вѣдомство для сыску раскольниковъ. Но изъ тайной канцеляріи нелегко было выручить колодника, послѣ заявленія имъ *о словѣ и дѣлѣ*. Еще въ 1747 г. Сергѣева продолжали держать въ тайной канцеляріи, откуда онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и прислалъ св. Синоду доношеніе о несчастныхъ своихъ приключеніяхъ, не упоминая ни слова о томъ, что приходилось ему терпѣть отъ розысковъ въ самой канцеляріи. Жалобы Сергѣева достаточно показываютъ, какую силу имѣли раскольники петербургскіе въ царствованіе Елисаветы Петровны, и какъ исполнительная власть правительства покровительствовала имъ во всѣхъ ихъ поступкахъ.

Обстоятельства сіи произвели сильное впечатлѣніе въ св. Синодѣ, и вызвали его къ энергическимъ дѣйствіямъ. 6 іюня 1747 года, онъ, съ негодованіемъ на бездѣйствіе, строжайше предписывалъ архіепископу Θεодосію не медлить производствомъ слѣдствія, а въ контору магистрата послалъ указъ, чтобы купцы, требуемые, по тогдашнему юридическому выраженію, *къ слѣдствюпроизвожденію*, немедленно были представлены въ консисторію.

Преосвященный Θεодосій въ рапортѣ, поданномъ въ началѣ іюля 1747 г., отвѣчалъ св. Синоду, что имъ никакого опущенія противъ синодальныхъ указовъ не учинено, но что затѣмъ дѣло задержалъ магистратъ: ибо, безъ присылки оговоренныхъ въ расколѣ, *какъ и ихъ святѣйшество заблагорасудить изволятъ*, какое слѣдствіе начать и о томъ опредѣленіе учинить было можно? Начало-де того слѣдствія, — ничто иное, какъ допросы оговоренныхъ. Присланные же отъ св. Синода, прибавлялъ архіепископъ Θεодосій, въ консисторіи не признаютъ себя раскольниками. Присемъ архіепископъ справедливо жаловался на магистратскую контору и просилъ св. Синодъ воздѣйствовать на нее указомъ. Въ октябрѣ того же года, архіепископъ, не получивъ никакихъ свѣдѣній ни отъ магистрата, ни отъ св. Синода, вторично просилъ ихъ свя-

тѣйшеству о воздѣйствіи на магистратскую контору. Но отвѣтовъ не нашлось въ дѣлахъ, и повидимому не было.

Тѣмъ не менѣе, синодальное предписаніе надоумило самого преосвященнаго Феодосія, что можно вести дѣло о раскольникахъ поскорѣе на основаніи данныхъ консисторскаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ раскольникахъ, которые уже сидѣли въ консисторіи подѣ карауломъ. Подняли архивъ, стали справляться по консисторскимъ записямъ, бывали ль эти лица, за послѣдніе годы, у исповѣди и св. причастія. Ибо небывшихъ регламентомъ и указами предписано было прямо считать за раскольниковъ, хотя бы они и запирались въ расколѣ. Оказалось, что въ нѣкоторыхъ годахъ они записаны бывшими, въ другихъ не записаны. На вопросъ: почему они не бывали у исповѣди въ нѣкоторые годы, одни изъ оговоренныхъ отвѣчали, что они, по торговымъ своимъ дѣламъ, находились въ отсутствіи, и тамъ — въ какомъ-нибудь городѣ, напримѣръ Нарвѣ, исполняли христіанскій долгъ, только не упомнать, у какова именно священника, а письма его руки о семь дѣлѣ, за послѣдностію отъѣзда, не успѣли отъ него взять. Другіе же изъ оговоренныхъ приносили письма отъ петербургскихъ священниковъ о бытіи у исповѣди и св. причастія за тѣ годы, о которыхъ не нашлось записи въ консисторскихъ тетрадахъ. Еще иные показаны бывшими на исповѣди, но не принявшими св. таинъ, кто — за нераченіемъ, а кто — по совѣту духовника. Само собою ясно, что мѣра эта, принятая тогдашними законами, была недостаточна къ изобличенію кого-нибудь въ расколѣ: ибо многіе и изъ завѣдомо-православныхъ не всегда исполняли христіанскій долгъ исповѣди, — и, слѣдовательно, вовсе несправедливо ихъ могли считать раскольниками, а съ другой стороны — сами раскольники, такъ называемые «потаенные», ни во что вжѣняя св. таинства, святотатственно приступали не только къ исповѣди, но и къ причащенію, — и, слѣдовательно, эту же самую мѣру правительства покрывали свой расколъ.

Сверхъ этого, оговореннымъ дѣлали въ консисторіи допросы, но тутъ они уже съ рѣшительностію запирались въ расколѣ, и всѣ въ одинъ тонъ писали, что *они обрѣтаются въ православной, греческаго исповѣданія, стѣнь непоколебимо*, отрицая и всѣ прочіе наговоры Сергѣева. Допрашивала еще консисторія тѣхъ раскольниковъ, которые, по послѣднему оговору, обижали и били Сергѣева. Ибо немногіе изъ этихъ лицъ, служившіе у торговцевъ, явились, по требованію, въ консисторію, не предвидя никакой надобности скрываться или даже уклоняться отъ показаній. Но вотъ какъ, для примѣра, одинъ изъ нихъ, по имени Иванъ Ипатовъ, отписывался при допросѣ:

«Потаеннаго и никакого расколу онъ, Ипатовъ, не имѣлъ и не имѣеть, и состоитъ въ православной, греческаго исповѣданія, вѣрѣ, чего для повсягдно исповѣдывается и св. Христовыхъ таинъ сообщается; и во время бытности бывшаго въ расколѣ Якова Сергѣева при канцеляріи ревизіи онъ, Ипатовъ, его Сергѣева, не ругалъ, и трикратно его, Сергѣева, бѣсомъ и всего свѣта прелестникомъ не называлъ, и не смѣялся, и таковыхъ рѣчей ему, Сергѣеву: «развѣ-де ты Кукушкина позабылъ? И попадись-де ты въ намъ въ руки, и не то тебѣ будетъ; да никакъ отъ нашихъ рукъ ты не уйдешь», онъ, Ипатовъ, не говаривалъ. Токмо-де онъ, Ипатовъ, въ лѣтнее время, а въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ,—того не упоминить, когда шелъ мимо канцеляріи ревизіи, и тогда видѣлъ онаго, Сергѣева, стоящаго у ревизіи; и въ то время онъ, Яковъ Сергѣевъ, поклоняся съ нимъ, Ипатовымъ, выговорилъ ему, Ипатову, тако: «что пора вамъ обратиться отъ расколу». И тогда онъ, Ипатовъ, сказалъ ему, Сергѣеву, что онъ отъ рожденія своего обрѣтается въ православной, греческаго исповѣданія, вѣрѣ непоколебимо, и расколу въ себѣ онъ не имѣеть, и болѣе ничего съ нимъ, Сергѣевымъ, не говоря, онъ, Ипатовъ, тогда пошелъ въ путь свой. И все сіе онъ, Ипатовъ, сказалъ самую сущую правду, безъ всякія лжи и утайки. А ежели чтѣ явится ложно, то подвергаетъ себя, по силѣ указовъ, жестокому штрафованію.»

Совершенно въ такомъ же родѣ дѣлали повазанія противъ и въ порядкѣ обвиненій другіе обидчики Сергѣева: Аѳанасій Мартовъ и самъ даже Аѳанасій Доросеевъ... Прочіе же, причинившіе Сергѣеву обиды, опять требовались консисторіею, отъ 7 марта 1748 года, отъ конторы главнаго магистрата, но магистратъ опять ничего не отвѣчалъ, и ни этихъ раскольниковъ, ни затребованныхъ въ прежніе годы не высылалъ. Только 2 декабря 1747 года, по требованію консисторіи, присланъ былъ въ нее изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ с. петербургскій купецъ Димитрій Гавриловъ, оговоренный Сергѣевымъ въ расколѣ. Тайная канцелярія писала о Гавриловѣ: «аще и свободѣ подлежателенъ будетъ, но его не освобождать». Посему колодникъ Гавриловъ неослабно и вѣрно содержался въ консисторіи подъ арестомъ. Гавриловъ въ консисторіи повазалъ, что онъ проѣздомъ, и то за немощію своею, прожилъ однажды, недѣли съ двѣ, въ даниловскихъ скитахъ, гдѣ нѣкая старуха пользовала его «травами», а раскола не держится. Консисторія положила сдѣлать ему очную ставку съ доносчикомъ Сергѣевымъ, и требовала его изъ тайной канцеляріи, гдѣ онъ сидѣлъ еще подъ карауломъ. Но канцелярія розыскныхъ дѣлъ, 29 февраля 1748 года, для нѣкотораго дѣла опять вытребовала къ себѣ Гаврилова, и дѣло о раскольничествѣ его остается безъ рѣшенія.

Такимъ образомъ, и о тѣхъ раскольникахъ, которые являлись въ консисторію, дѣло кончалось *ничѣмъ*. Сами они въ расколѣ не признались, нѣкоторые даже принесли доказательства, что ходили на исповѣдь, а обвинитель Сергѣевъ, кромѣ оговору, основанному, конечно, на непосредственномъ знаніи дѣла, никакихъ другихъ уликъ не могъ представить. Консисторія думала сдѣлать очную ставку Сергѣеву съ тѣми, которыхъ онъ обвинялъ въ расколѣ и обидахъ. Но его все еще продолжали пытать о словѣ и дѣлѣ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Такъ все дѣло сыщика Сергѣева, тянувшееся много лѣтъ, повончилось *ничѣмъ*. Въ 1750 году оно, по документамъ, находилось въ томъ же застоѣ, въ какомъ мы

оставляемъ его теперь. Затѣмъ, ему предстояла послѣдняя участь: быть забыту и сдану въ консисторскій архивъ, что и видимъ теперь на самомъ дѣлѣ.

Мы выше сказали, что расколъ въ С. Петербургѣ увеличился новыми лицами, вписавшими себя подъ двойной окладъ, послѣ ревизіи 1745 года. Въ 1750 г. св. Синодъ и консисторія требовали у священниковъ свѣдѣній о новыхъ раскольникахъ, чтобы убѣждать ихъ возвратиться въ лоно св. Церкви. Священники доставили свѣдѣнія. Но эта мѣра не принесла никакихъ результатовъ. Въ маѣ 1751 года, консисторія послала промеморіи въ контору магистрата о высылкѣ къ ней, для изслѣдованія и увѣщаній, торговыхъ людей, и въ контору партикулярной верфи—о высылкѣ противниковъ св. Церкви. Но и та и другая контора отвѣчали на требованія консисторіи *молчаніемъ*. И что еще сказать? Съ изданія указа о ревизіи въ 1744 году прошло семь лѣтъ. А полковникъ Давидовъ, приставленный къ ревизіи раскольниковъ въ С. Петербургѣ, не доставилъ о нихъ въ св. Синодъ ни скасокъ, ни перечневыхъ вѣдомостей, которыя, по указу ея императорскаго величества, требовались въ самомъ скоромъ времени. Очень стоитъ подумать и изслѣдовать, гдѣ скрывались причины такой непослѣдовательности и безпорядковъ въ нашемъ бытѣ XVIII вѣка. Но теперь вопросъ этотъ лежитъ внѣ нашей задачи.

Слѣдя исторически за движеніемъ раскола въ С. Петербургѣ, мы видѣли, что официальные мѣры мало вліяли на сокращеніе раскола и на возвращеніе къ православію раскольниковъ. Добровольныя же присоединенія къ св. Церкви изъ раскола въ бумагахъ встрѣчаются нерѣдко. И кто бы могъ это подумать,—они совершались съ примѣру и по убѣжденію нашего знакомаго Якова Сергѣева, пока онъ наслаждался свободою. Въ официальныхъ бумагахъ въ числѣ искренно обратившихся упоминаются: Кипріанъ Маркеловъ *съ товарищи*, Терентій Лялинъ, обратившійся *по Сергѣеву* (т. е. по его примѣру), Татіана Димитріева *съ прочими*, о которой Сер-

гѣевъ показаль въ самомъ св. Синодѣ, что она, и перекрещенная уже, *чрезъ его утѣщаніе*, опять къ св. Церкви *пристала*. Изъ этого можно заключить, что Сергѣевъ во второй разъ уже чистосердечно присталь къ св. Церкви; ибо дѣйствовалъ въ пользу ея ревностно.

Нѣкоторые же раскольники присоединялись къ православной Церкви чрезъ сыщиковъ, послѣдователей Сергѣева. Въ апрѣлѣ 1747 года, Терентій Лялинъ, жившій въ Вознесенскомъ приходѣ, подалъ въ св. Синодъ доносъ, что ярославской губерніи крестьянинъ Спасо-ярославскаго монастыря Федоръ Аѳанасьевъ, проживающій въ томъ же приходѣ, держится старыхъ книгъ, крестится двумя перстами, лѣтъ съ восемь не ходитъ на исповѣдь. Присемъ Лялинъ, въ началѣ доношенія, заявлялъ о себѣ, что и «онъ, нижайшій, отъ нерассужденія своего впадалъ въ раскольническую ересь, однако—чрезъ увѣщаніе обратившагося отъ раскола Якова Сергѣева, въ 1746 году, добровольно отсталъ». Въ показаніи, учиненномъ въ духовной консисторіи 10 апрѣля 1747 года, крестьянинъ Федоръ отъ всего отперся, и даже показаль, будто, въ 1742 и 1743 годахъ, онъ былъ у исповѣди и св. причастія въ Выборгѣ у протопопа Рождественскаго собора Мокія Лаврентіева. Но справка съ исповѣдными книгами уличила его во лжи, а приведенный Лялинымъ во свидѣтели, с. петербургскій купецъ Иванъ Бѣловъ подтвердилъ доносъ на Федора Аѳанасьева въ раскольническомъ заблужденіи. Вслѣдствіе сего, по порученію архіепископа Θεодосія, петропавловскій ключарь Петръ Гребневскій, утвердивъ Федора въ православной вѣрѣ, 19 іюля въ воскресенье присоединилъ его къ св. Церкви чрезъ отреченіе отъ раскола, исповѣдь и причащеніе, со взятіемъ обязательства оставаться вѣрнымъ православію и съ раскольниками не имѣть обращенія.

Иные раскольники обращались сами. 31 октября 1749 года былъ присланъ въ с. петербургскую консисторію изъ Кронштадта гарнизонный солдатъ Петръ Балашевъ. Онъ самъ заявилъ желаніе своему начальству «отъ расколу обратиться къ

православнѣй, святѣй Церкви». На допросѣ солдатъ, между прочимъ, показаль, что его родители были раскольники-безпоповцы, и что его, по рожденіи, крестиль, въ селѣ Балашевѣ новгородской губерніи, въ отцовскомъ домѣ въ раскольническую ересь учитель раскола, простой крестьянинъ односелецъ Ѳома Яковлевъ. Отецъ самъ съизмалолѣтства научилъ Петра раскольнической вѣрѣ. С. петербургская консисторія, на основаніи семьдесятъ третьяго правила Кареагенскаго собора, по изложенію его кормчей книги, расудила ввести Петра Балашева во св. Церковь, чрезъ совершеніе надъ нимъ св. крещенія, которое всеусердно желаль воспріять и самъ Балашевъ. Священникъ Петропавловскаго собора Димитрій Рыковскій, научивъ Петра православной вѣрѣ, сначала предложилъ ему проклясть раскольническія всѣ прелести публично при народномъ собраніи, привелъ къ присягѣ, и въ тотъ же день 15 мая 1750 г. окрестиль его, съ нареченіемъ имени Константина. Причемъ капитанъ и лейбъ-компаніи капраль Ѳедоръ Старковъ былъ воспріемникомъ. Константинъ Балашевъ, выражая своему начальству желаніе креститься въ православную вѣру, доносилъ между прочимъ, что отецъ его, Андрей, сущій раскольникъ, занимается дѣланіемъ «воровскихъ (фальшивыхъ) рублей.» Объ этомъ дано знать въ монетную контору. А на счетъ сыску отца новокрещеннаго, Андрея Ульянова и расколуучителя Ѳомы Яковлева, который крестиль Балашева, дано знать изъ с. петербургской консисторіи въ тверскую для слѣдствопроизвожденія и рѣшенія.

Въ августѣ 1747 года, присоединенъ къ православію священникомъ Петропавловскаго собора Алексѣемъ Флоровымъ рекрутъ Леонтій Петровъ, пойманный въ бѣгахъ. Онъ самъ пожелаль отстать отъ раскола, и для присоединенія къ св. Церкви былъ присланъ въ духовную консисторію изъ с. петербургской гарнизонной канцеляріи. Въ показаніи рекрутъ Петровъ сказалъ, что, во время бѣговъ, жилъ онъ въ каргопольскомъ уѣздѣ въ лѣсномъ мѣстѣ Нименской волости—въ Суземкахъ. Тамъ государственный крестьянинъ деревни За-

ручевья Матвѣй Елисеѣвъ, записной раскольникъ, переверстиль его въ Черномъ озерѣ при Ниженской волости. И когда крестилъ, то онъ, Леонтій, стоялъ въ озерѣ, а Елисеѣвъ, положи на главу его руку, читалъ по книгѣ, а что, того онъ, Леонтій, и по какой книгѣ, не знаетъ; и погружалъ въ воду трижды, говоря: во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

Въ концѣ октября 1749 года, принята въ православную Церковь присланная изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, записная раскольница Анна Никитина, жена пасацкаго челоувѣка въ Новгородѣ Тимоѣея Лучанинова. Въ бумагѣ, при которой она прислана въ консисторію, сказано, что она, Анна, Тимоѣева жена, обращеніе отъ расколу къ православной свѣтлѣй Церкви желаетъ принять, «не для какого пристрастія, но по самому ея, отъ чиста сердца, желанію, и впредь она въ расколѣ быть не хочетъ». Присланная словесно подтвердила это и въ консисторіи (дѣло, августа 22 дня 1749 г., № 3375).

Въ 1748 году, явился въ св. Синодѣ даниловскаго свита раскольникъ Григорій Яковлевъ, записанный въ двойной окладъ, и совершенно доброхотно просилъ Синода членовъ «принять его отъ раскольниковскаго заблужденія въ общую Христова стада церковную пажить» (дѣло за № 3297). Присоединеніе совершалъ членъ св. Синода архимандритъ Амвросій Зертисъ-Каменскій.

Съ октября 1749 года, св. Синодѣ, занимавшійся прежде самъ производствомъ дѣлъ о присоединеніи раскольниковъ по Петербургу, пересталъ принимать доклады и прошенія о нихъ, внушая, чтобы дѣла эти подавались прямо въ с. петербургскую духовную консисторію, безъ всякой переписки съ конторою св. Синода: «понеже при той конторѣ изъ священнаго чина таковыхъ обращати и наставляти никого не имѣется» (дѣло № 3328).

Съ 1747 года введено въ употребленіе новое клятвенное обѣщаніе, которое произносили входящіе отъ раскола. Оно начиналось прямо чтеніемъ символа вѣры, а, по скончаніи его, приступающій къ св. Церкви продолжалъ такъ:

«1) Вѣрую и исповѣдую святую восточную и великороссійскую Церковь, въ ней же нынѣ пребываетъ благочестивѣйшая и самодержавнѣйшая великая государыня наша императрица Елисавета Петровна и вси духовнаго и мірскаго чина люди, сущу православную, — такову, якоже изъ начала вѣры уставися отъ Христа и Апостолъ, и отъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ.

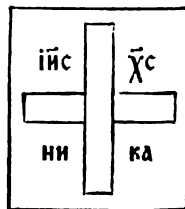
«2) Вѣрую и исповѣдую во святѣй восточной и великороссійской Церкви вся святія семь таинъ и прочія церковныя молитвословія и послѣдованія отъ архіереевъ, отъ всего священнаго чина, по опредѣленному, якоже издревле, уставленная отъ Христа и Апостолъ, и отъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и нынѣ совершенно дѣйствуются, и истинныя святія суть таинства, и въ наше суть спасеніе,—вѣрую и приѣмлю.

«3) Вѣрую и исповѣдую, яко во святѣй восточной и великороссійской Церкви вся догматы суть православны, и никакими ересями и расколомъ не осквернены суть.

«4) Вѣрую и исповѣдую, яко во святѣй великороссійской Церкви вся новопечатныя исправленныя книги, ихже Церковь содержитъ, суть православны, и никакихъ въ себѣ ересей, и противностей и коноводствъ не имѣють.

«5) Вѣрую и исповѣдую, и исповѣдую и приѣмлю святія восточныя и великороссійскія Церкви, еже знаменатися тремя первыми персты, и по псалмѣхъ глаголати *alleluia* по трижды, съ приложеніемъ: *слава Тебѣ, Боже!* Сущее и православное есть таковое преданіе.

«6) Вѣрую, и исповѣдую и приѣмлю святое воображеніе вѣста Христова, си-
образенное на прос-
чихъ вещахъ и мѣ-
новланяюся.

«7) Вѣрую и исповѣдую, и приѣмлю святое имя Иисусово со Іисъ.

цевымъ видомъ во-
форахъ и на про-
стахъ, и лобызаю и

вѣдую быти право-
пишемое и печата-
двѣма буквами сице:

«8) Вѣрую, и исповѣдую и приѣмлю молитву Іисусову пишему и печатану сице, соборнѣ вѣрными глаголемую: *Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ*, яво естъ святая, и преданіе древнее святыхъ восточныхъ Церкви, и глаголати тако всегда общаюся.

«9) И прочая вся, яже нынѣ содержитъ святая восточная и великороссійская Церковь, приѣмлю, и вѣрую, яво вся та суть православна содержанія ея, тако и покаряюся, и пребывати въ ней, Божіею помощію, желаю и общаюся.

«10) Аще ли же въ вынеписанныхъ не пребуду, или въ чемомъ явлюся сопротивляяся тайно или явно, повиненъ буду суду церковному и гражданскому, безъ всякаго милосердія и прощенія, и самъ себе осуждаю смерти, аминь.»

Посемъ, сказано въ клятвенномъ обѣщаніи—новелѣтъ оному (т. е. обращающемуся отъ раскола) раскольниковъ проклинать и себе самого сицевымъ образомъ:

«Проклинаю всѣхъ тѣхъ, которые святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и неправославнымъ, да будутъ прокляты и анаѣема!

«Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже православныхъ патріарховъ, восточныхъ и изъ московскихъ, по Никонѣ и до сего настоящаго лѣта престолѣ правящихъ, неисповѣдующихъ быти православными, наипаче называютъ раскольниками и еретиками, и всѣхъ архіереевъ и до священника такожде называющихъ, да будутъ вси прокляты!

«Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не исповѣдуютъ и не вѣруютъ, яво во святѣй восточнѣй и великороссійской Церкви отъ архіереевъ и іереевъ совершается подъ видомъ хлѣба—тѣло Христово, а подъ видомъ вина—кровь Христова. Таковѣи да будутъ прокляты и анаѣема!

«Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже не вѣруютъ и не исповѣдуютъ, яво во святѣй восточнѣй и великороссійской Церкви, отъ архіереевъ и іереевъ вся святыхъ семь тайны и прочія ихъ церковныя дѣйства. Таковѣи да будутъ прокляты и анаѣема!

«Проклинаю всѣхъ, иже не крестятся тремя первыми персты, но крестятся двумя персты: увазательнымъ и среднимъ, и прочимъ учать творити тако. Да будутъ прокляти и анаеема!

«Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ глаголють по псалмѣхъ *alimnia* по дважды, а не по трижды, и прочимъ учать творити тако. Да будутъ прокляти и анаеема!

«Проклинаю всѣхъ хулящихъ и отмищущихъ воображаемый крестъ Христовъ на просфорахъ сицевымъ (какъ изображено выше) образомъ, и пишемое имя Спасителя ево: *Иисъ* и молитву сию: *Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ*. Да будутъ прокляти и анаеема!

«Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже еретиковъ, раскольниковъ бывшихъ, Аввакума протокова и Никиту попа, прозваніемъ Пустосвята, и Лазаря и Федора и всѣхъ, тогда бывшихъ, приемятъ, и нынѣ имъ послѣдуютъ, и не проклинаютъ, но исповѣдуютъ ихъ мучениками и страдальцами. Да будутъ сіи и со оными и съ послѣдующими имъ прокляти и анаеема!

«Проклинаю всѣхъ разныхъ толковъ, иже нынѣ восточной великороссійской Церкве и ея пастырямъ не покаряются и учать не покаряются, якоже: поповщина, онуфриевщина, отъ нихъ же аввакумовщина, софонтиевщина, отъ нихъ же ильсеновщина и кадельники, и прочимъ толковъ безпоповщина и поповщина, перекрещиванцы и неперекрещиванцы, едосѣвщина и андреевщина, иже за рубежомъ, и въ Поморьи и въ Польшѣ, на Вѣткѣ и на Керженцѣ, и во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, какъ мірскихъ, такъ и старцевъ и старицъ, и живыхъ ихъ поповъ и учителей отрицаюся. Да будутъ прокляти и анаеема!

«Аще же азъ вышеписанныхъ всѣхъ противниковъ и раскольниковъ проклинаю ложно и местно, да буду и я проклятъ и анаеема непрощенно въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь.»

Откуда произошла эта новая редація клятвеннаго обѣщанія—неизвѣстно. Но, конечно, первая половина ея цѣлесообраз-

нѣсть дѣломъ присоединенія къ св. Церкви раскольниковъ. Обѣ половины доказываютъ, что теперь духовное вѣдомство въ С. Петербургѣ ближе узнало разныя отрасли раскола, главные ихъ центры и характеристическія подробности раскольническихъ ученій. Что касается до второй половины вѣдвеннаго обѣщанія, т. е. до проклятій, то они произошли изъ духа отношеній того времени православныхъ къ раскольникамъ и обратно. Духъ этотъ родился отъ проклятій московскаго собора 1667 года, и все еще жилъ и дѣйствовалъ, и провинцалъ рѣшительно всѣ отношенія православныхъ къ раскольникамъ и обратно. Если требовалось въ раскольнику представить священника для вразумленія его, то с. петербургская консисторія нерѣдко предписывала увѣщателю *угроженіемъ* дѣйствовать на таковыхъ въ особенности, которые записались въ расколѣ.

Въ виду дѣятельности духовной консисторіи и добровольнаго обращенія нѣкоторыхъ, с. петербургскіе раскольники тоже не дремали: обращенныхъ Сергѣевымъ и всѣхъ другихъ они, кромѣ брани и разныхъ преслѣдованій, и путемъ подговора опять склоняли къ ереси. Этимъ дѣломъ особенно занимался Игнатій Гуттуевъ, Аѳанасій Доросеевъ и другіе, не столь знатные люди. Всѣ они дѣйствовали открыто, защищая и урывая раскольниковъ, требуемыхъ къ духовному началству, совращая православныхъ и присоединившихся къ св. Церкви изъ раскола, и вообще употребляя, какъ замѣчено въ современныхъ бумагахъ консисторіи, *потребныя мѣры къ сокращенію благочестія и къ распространенію своей прелестьи.*

Руководителемъ же во всѣхъ дѣлахъ и посредникомъ между даниловскими свитами и петербургскимъ расколомъ былъ тогда, т. е. въ сороковыхъ годахъ, даниловецъ Мануиль Петровъ, съ исторіею котораго мы познакомимся прежде. Обстоятельство это открылось по слѣдующему случаю, который съ перваго разу, казался весьма важнымъ въ свое время. 7 сентября 1746 года, какой-то человѣкъ, гуляя по Лѣтнему саду, подошелъ къ вновь построенному тамъ лѣтнему дворцу импе-

ратрицы Елисаветы Петровны, и, несмотря на то, что у дворца стоялъ караулъ изъ солдатъ конной гвардіи, бросилъ такъ называемое *подметное* письмо. Замѣтивъ это, солдаты подняли письмо, взяли и человѣка, который метнулъ его, и представили, вмѣстѣ съ письмомъ, въ тайную канцелярію. При допросѣ въ канцеляріи, подметчикъ показаль о себѣ, что онъ изъ с. петербургскихъ жителей купеческій человѣкъ, по имени Леонтій, по отчеству Семеновъ, по фамиліи Копнинъ, и отъ роду имѣеть тридцать девять лѣтъ. Канцелярія немало удивилась, прочитавъ подвинутое письмо: ибо оно не имѣло положительно никакого отношенія къ императрицѣ, и вообще по содержанію не подходило къ произведеніямъ подметной письменности. Письмо было написано такъ:

«Премногомилостивому моему государю, всеусердному, сѣдинами преукрашенному, и обо мнѣ, убогомъ и многогрѣшномъ, способителю, родителю, государю батюшѣ Семену Алексѣевичу, желаю тебѣ, моему воспитателю добраго здравія и душевнаго спасенія на неисчетныя лѣта. Убогій и многогрѣшный сынъ твой Леонтій твоего родительскаго благословенія прошу, и падъ предъ ногами твоими, лицеzemно поглажняюся и прошу прощенія.

«Премногомилостивому моему государю, единоутробному любезному моему братцу и отцу Федору Семеновичу униженное и лицеzemное поклоненіе, и прошу прощенія.

«Недоумѣю нынѣ, что убо могу глаголати, или сямъ мнѣ начертаніемъ что писати? И откуда убо начну зѣло плакати?.. Понеже на вого могу возлагати упованіе, аще не на всещедрого милосердія, да на ваше родительское благословіе и молитвы? И всаломскимъ гласомъ праведнаго пророка Давида и царя возглашаю: *доколь Господи забудеши мя до конца? Доколь отерацаеши лице твое отъ мене...*, и прочее до конца, и пою имени Господню вышнему.

«При семъ же и вамъ, моимъ милостивымъ государямъ, отцамъ и пастыремъ пасомыхъ своихъ овецъ, стада своего собраннаго, вѣрнымъ крѣпителямъ, преукрашеннымъ пустынно-

жителямъ, пречестнымъ М. Пчю, Т. Тчю, Н. сею, д. Мею, и всему избранному и вкупѣ собранному стаду вашему и всея св. вашей обители, желаю вамъ всѣмъ вкупѣ отъ Владыки всещедраго добраго здравія и душевнаго спасенія на неисчетныя лѣта.

«Что убо вамъ еще недоумѣю глаголати, или симъ моимъ начертаніемъ написать, токмо приглашая молитву царя Манассіи: *не положили еси покаянія праведнымъ Аврааму, Исааку, Иакову, Тебѣ несогрѣшившимъ, но положили еси покаяніе мнѣ грѣшному, зане согрѣшихъ паче числа песка морскаго...* Не глаголетъ ли и Господь въ своемъ св. евангеліи: *врядущаго ко Мнѣ, да никогда иждену его вонз; не приидохъ праведныя спасти, но грѣшныя на покаяніе.* Аще хотя и согрѣшихъ азъ, грѣшный, да не отступаю отъ васъ, но хочу прійти убо къ вамъ и испросити прощенія; но понеже и нынѣ намѣренъ къ вамъ дойти, да еще паспорта не могу выправить. Воспоминайте Господа Бога своего, и напоминайте смертный часъ, да не снидетъ душа моя во адъ, но помилуйте мя падшаго; по Господню глаголу, приглашаю вамъ: *блаженни милостивии, яко тѣмъ помиловани будутъ...* Прошу васъ, отцевъ, и слезно молю, да примете мя, яко Отецъ небесный пріять блуднаго сына, или разбойника, или мытаря, или блудницу. Господь, коль многомилостивъ, всякаго прощаетъ, всякому ревнуя благодать даетъ. Коликое Его щедролубіе, коликое Его милосердіе, никому несчетное, никому непостижимое, никому неосязаемое, но чловѣколюбіе велие о насъ многогрѣшныхъ! У отца родителя такожде и у брата своего Ѡ. С. ча (Ѡедора Семеновича) ничего не требую, но требую и прошу, имене ради Божія, чистаго покаянія и прощенія, а не ради утечливаго богатства міра сего суетнаго, но ради душевнаго спасенія... Аще хотя такъ дерзнулъ написать, истинно не отъ радости, но отъ своей бѣдной скудости, но въ томъ прошу прощенія, много болѣе писать не имѣю, и симъ превращаю. И прошу вашего отечесваго благословенія и молитвъ, да помолитесь о мнѣ грѣшномъ, дабы Господь наставилъ меня на

путь истинный. Да прошу васъ, отецъвѣ мѡнхъ, повѡдонъ отдать любезной моей единоутробной сестрицѣ А. С. виѣ (Аннѣ Семеновнѣ) и всѣмъ при ней живущимъ и трудяющимся, и братцу (двоюродный) К. Кичу (Киприану Кузмичу), воимъ по пискому воздайте отъ меня, убогаго и многогрѣшнаго, по почлону. При семъ писавый несмотрѣбный Леонтій Копнинъ. Сентября 7 дня 1746 года. Санктпетербургъ».

Надпись на письмѣ: «Милостивому государю. батюшкѣ Семену Алексѣевичу, на Березовѣ. Вручить чрезъ *Мануила Петровича*. Новаго лѣта». (Раскольники считаютъ начало новаго года съ сентября, когда и писалъ свое покаянное письмо Копнинъ).

По полямъ письма на 2 стр. было написано: «приказъ завтрашняго числа на караулъ въ домъ ея императорскаго величества.» На 4 стр. «Императрица вивать, Елисавета все-россійская, радуйся россійскій орле двуглавный» и т. под.

Что было съ Копнинимъ въ тайной канцелярїи—неизвѣстно, только оттуда онъ былъ препровожденъ въ канцелярїю св. Синода, гдѣ на допросѣ объяснилъ, что отецъ его, умершая мать, сестра и братъ живутъ въ выгорѣцкихъ свитахъ въ расколѣ, что онъ въ письмѣ проситъ у нихъ прощенїя въ своихъ грѣхахъ и благословенїя, но что онъ самъ содержитъ православную вѣру, не имѣя къ расколу никакой склонности. Иероглифы письма М. Пцю, Т. Пцю, Н. Сцю, Д. Мцю, значать: Мануилу Петровичу, Трофиму Петровичу, Нивифару Семеновичу, Данилѣ Матвѣевичу. «Это», говоритъ Копнинъ, «главные теперь наставники выгорѣцкихъ свитовъ». А что приписва сдѣлана касательно императрицы, и что онъ письмо подбросилъ во дворецъ, то сдѣлалъ въ поврежденїи ума и безпамятствѣ, которыя привключились ему отъ крайней бѣдности вслѣдствїе сторѣнїя его дома.

Изъ св. Синода дѣло о Копнинѣ препровождено къ с. петербургскому архїепископу Θεодосїю. Оказалось, что Копнинъ съ малолѣтнимъ сыномъ Иваномъ (жена оставалась въ православной вѣрѣ) потаенно содержали расколъ, къ которому

привлечены были во время поѣздовъ въ скиты (въ 1729 и въ 1735 годахъ). По порученію Θεодосія, священника Петра-павловскаго собора Алексѣй Флоровъ, утвердивъ Копнина съ сыномъ въ православной вѣрѣ, торжественно присоединилъ ихъ къ св. Церкви.

Письмо Копнина ясно показываетъ, что вождемъ раскола въ выговскихъ скитахъ въ С. Петербургѣ состоялъ теперь Мануилъ Петровъ, помимо котораго нельзя было не только письма, но повелѣна передать живущимъ на Березовѣхъ.

О семействѣ Копнина стоитъ сдѣлать замѣтку, въ поясненіе того, что пишетъ о немъ Филипповъ въ исторіи Выговской пустыни (стр. 445—446). Отецъ его, ростовскаго уѣзда, вотчинны Богоявленскаго Авраміева монастыря, Спасской слободы оброчный крестьянинъ Семенъ Алексѣевъ, въ 1724 году, по случаю генеральной переписки, бѣжалъ въ выгорѣцкіе скиты, по уговору сына своего Θεодора, съ женою Ксенією Θεодоровою и дочерью Анною. Въ бытность Осипа Самарина въ скитахъ, они записались въ расколъ съ платежемъ двойнаго оклада. Ксенія Θεодорова въ 1735 году умерла. Послѣ сего, по доносу ростовскаго архіерея, какъ пишетъ Филипповъ, но, согласнѣе со временемъ, по дѣлу о Леонтіѣ Копнинѣ, ихъ розыскивали въ скиту отъ св. Синода, но нивого не нашли, *и тако умиралося дѣло ихъ*, говоритъ Филипповъ, между прочимъ, будто бы и *Θеодоровымъ ходатайствомъ въ Синаду* (стр. 446). Этотъ Θεодоръ Семеновъ, братъ Леонтія Копнина, имѣлъ въ выговскихъ скитахъ немаловажное значеніе, носилъ званіе соборнаго брата, участвовалъ въ совѣщаніяхъ старцевъ, хлопоталъ по дѣламъ скитовъ, и Филипповъ счелъ нужнымъ посвятить ему въ своей исторіи особую главу, поставляя его въ числѣ замѣчательныхъ дѣятелей выговскаго раскола.

Мы достаточно прослѣдили исторію распространенія раскола въ С. Петербургѣ, какъ она представляется въ официальныхъ документахъ своего времени. Св. Синодъ и мѣстное духовное правительство съ самаго основанія столицы не теряло изъ виду раскольническаго вопроса, и принимало мѣры

противъ вторженія старой вѣры въ новый городъ. Но расколъ, подъ разными предлогами, тайно проникъ въ С. Петербургъ, отчасти благодаря и покровительству той свѣтской власти, которая, въ то же время, издавала противъ него строгіе законы и суровыя мѣры. Когда расколъ послѣ сороковыхъ годовъ ясно доказалъ св. Синоду и с. петербургской консисторіи свое существованіе въ С. Петербургѣ; тогда онъ былъ уже такъ силенъ, что вступилъ смѣло въ рѣшительную борьбу противъ духовенства и агентовъ его. Исполнительная власть правительства, въ родѣ магистрата и полковника Давыдова, представленнаго къ ревизіи, сами были въ рукахъ раскольниковъ, и своею намѣренною недѣятельностію обезсиляли энергію и мѣры, принимаемыя духовенствомъ противъ с. петербургскаго раскола. Расколъ, вмѣсто того, чтобъ сокращаться, увеличивался и усиливался... Слѣдствіемъ всего этого было то, что расколъ изъ *потайнаго* сдѣлался *явнымъ*, и, спустя немного времени, приобрѣлъ себѣ важное право *земельнаго* существованія въ С. Петербургѣ. Въ 1760 году у раскольниковъ на Охтѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ существовали уже публично деревянныя часовни. Вслѣдъ затѣмъ, они приобрѣтаютъ себѣ земли подъ кладбища, которыя больше не скрываютъ уже ни отъ кого, ни отъ правительства, ни отъ св. Синода. Первое кладбище ими открыто было на Малой Охтѣ.

Дальнѣйшій ходъ раскола въ С. Петербургѣ имѣетъ иной характеръ и можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія.?

Священникъ Михаилъ Архателъскій.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА „СТРАННИКА“ ЗА 1870 Г.

	<i>Стр.</i>
Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной Церкви.	
<i>Священника А. Д. Брянцева</i>	5. 119. 195. 315
Иеромонахъ Мисаилъ, духовникъ тобольскаго архіерейскаго дома.	
<i>А. С. Цвѣткова</i>	38. 147
Христіанство въ его отношеніи къ жизни и исторіи человѣчества.	
<i>Т. В. Барсова</i>	57
Христіанство и такъ называемый социализмъ. <i>А. Н. Надеждина</i>	84
Бесѣда въ день крещенія Господня. <i>Архимандрита Фотія</i>	108
Человѣческая жизнь. <i>Священника Петра Боголюбскаго</i>	161
Патріотизмъ въ воспитаніи, или воспитательное значеніе настоящаго царствованія. <i>Н. Д. Богатинова</i>	167
Святитель Алексій, митрополитъ московскій и всея Россіи чудотворецъ, и основанный имъ въ 1365 году Чудовъ монастырь (стихотв.). <i>Л. И. Бутовскаго</i> .	185
Вечерня въ Чудовомъ монастырѣ. <i>Егоже</i>	192
Преосвященннй Поликарпъ, епископъ орловскій и сѣвскій. Очеркъ его жизни. (Съ портретомъ покойнаго преосвященнаго). <i>Протоіерея Петра Полидорова</i>	289. 389. 404. 460
Вѣра, надежда, любовь, и ихъ значеніе въ жизни и исторіи человѣчества. <i>Т. В. Барсова</i>	265
Слово въ недѣлю православія. <i>Архимандрита Вениамина</i>	305
Хвала Богу (стихотвореніе). <i>Ивана Верцеліуса</i>	312
Гимнъ міровъ (стихотвореніе). <i>Федора Глики</i>	314
Учителя человѣчества. <i>А. Я. Станиславской</i>	373
Слово въ святой великій пятокъ. <i>Архимандрита Моисея</i>	387
Слово на день святой пасхи. <i>Архимандрита Хрисанва</i>	396
Предъ причащеніемъ (стихотвореніе). <i>Александра Ключарева</i>	401
Наставленіе чрезъ свѣчку. <i>Преосвящ. Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго</i>	428
Изъ исторіи раскола въ С. Петербургѣ. <i>Священника Михаила Архангельскаго</i>	430. 506
Слово въ день Вознесенія Господня. <i>Преосвящ. Ириней, епископа екатеринбургскаго</i>	451
Невзмѣнимость и слава Божія (стихотвореніе). <i>Ивана Верцеліуса</i> .	458
О познаніи Господа Бога нашего Иисуса Христа. <i>Архіепископа Анатоля</i> .	533
Перенесеніе скорбей. <i>А. Я. Станиславской</i>	537
Богъ во вселенной (стихотвореніе). <i>Ивана Верцеліуса</i> .	548